

**Военные
Приключения**

РАЗВЕДОТРЯД

Ю.ИВАНИЧЕНКО В.ДЕМЧЕНКО

Военные приключения

Юрий Ивановиченко

Разведотряд

«ВЕЧЕ»

2011

Иваниченко Ю. Я.

Разведотряд / Ю. Я. Иваниченко — «ВЕЧЕ», 2011 — (Военные приключения)

Со странным человеком свела судьба старшего лейтенанта Александра Новика во время одного из рейдов во вражеский тыл. Даже и не думал он тогда, что вместе с этим вызывающим сильные подозрения Яковом Войткевичем им придётся готовить захват фашистского штаба, а потом и вовсе разыскивать тайную базу немецких подводных лодок...

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Интерлюдия	19
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	49
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Иваниченко, Вячеслав Демченко

Разведотряд

© Иваниченко Ю.Я., Демченко В.И., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Светлой памяти гвардии майора Якова Чернера, фронтовика,
орденоносца, командира – посвящается*

Часть 1

Глава 1

Офицеры и джентльмены

Июнь 1942 г. Траверз мыса Сарыч

«Что-то не так...» – вяло подумал Саша Новик, глядя, как серебрится кромка облаков и наползает на фосфорно светящийся череп луны.

Он всего минут пять, как сменился на банке. Руки так ныли, ладони так горели от гребли, что нельзя было даже окончательно провалиться в блаженный сон после напряжённой ночи, когда каждый миг мог закончиться бедой, никак нельзя...

– Товарищ лейтенант!

Новик очнулся от яростного горячего шёпота в самое ухо и невольно чуть дальше отдёрнулся от Кулика, бойца своей группы, кадрового морпеха. Только теперь он понял, что именно сквозь наплыв дремотных облаков показалось ему «не так»: не скрипели уключины, не всплывала вода – пусть чуть слышно, с усыпляющим постоянством, но без этого рефрена.

– Что случилось? – кивком спросил он матроса.

– Вон, на лунной дорожке... – ткнул ему в грудь бинокль Юра Кулик. – Я сначала подумал: буюк от рыбачьих сетей, а это – посмотрите...

Протерев глаза тыльной стороной ладони, Саша приложился к окулярам.

Метрах в трехстах справа по борту, в серебряной чешуе лунного света, будто шелушившейся в радужных плавниках мгновенных всплесков, всплыло что-то неожиданное, неподвижное и пугающее, словно чёрная головка змеи.

– Командирский перископ, не зенитный. Значит, на глубине торпедной атаки... – слышал над головой лейтенант. – Наверное, всплывать хотят...

– А торпедой не..? – обернулся Саша.

Через банку с замершими гребцами к ним на бак перебрался Колька Царь.

– Вряд ли... – покачал головой старший матрос. – Да и какая мы мишень для торпеды? По блохе кувалдой. Даже если...

– «Даже если» они нас скорее за немецкую береговую охрану примут, – прошептал Кулик, подбирая со дна шлюпки «дегтярёв». – Под самым-то берегом...

– Уже приняли. Всплывают! – ухватившись за борт, пригнулся Царь. – Может, фарватер спросят, да пойдут себе с богом...

Серебряную дорожку вспорол снежный бурун и вслед за «змеиной головкой» на поверхность вырвалась узнаваемая рубка подводной лодки. Но даже с такого расстояния она показалась мелковатой.

Лейтенант поднял к глазам бинокль. В круге линз стальной бок рубки мгновенно увеличился. И впрямь, рубка не больше надстройки буксира, с единственным иллюминатором и триколором – итальянским флагом – под индексом СВ-3.

– А вот вам и «сеньоры»... – не отрываясь от бинокля, пробормотал Саша. – Так что, выходит, об их приходе правду ввали...

Медленно вырастая, субмарина двигалась встречным курсом, и никакого вооружения на пайолах не просматривалось. Это не особенно, но вдохновляло. Впрочем, секундой позже лейтенант разглядел и характерный силуэт пулемёта над рубкой.

– Говоришь, фарватер расспросить? – протянул назад руку Новик. – Вот что, Царь, дай-ка мне твою бескозырку.

– Я и свою башку подставить могу... – мрачно заметил старший матрос, мгновенно сообразивший затею командира: бескозырка – она и у немцев почти такая же, разве что без лент, но в потёмках...

– Можешь... – согласился лейтенант, распрямляясь на банке и забросив ремень шмайсера на плечо, так, чтобы характерный пенал магазина торчал из-под локтя. – Только она у тебя по-немецки не разговаривает, так что давай-давай, а сам заляг на дно. И все остальные.

Мельком обернувшись, Новик обнаружил, что «все остальные», шесть морских пехотинцев, как раз таки в бескозырках, и никто из них, включая Царя, «ложиться на дно» не собирается.

– Вам бы только с трёпанной матерью, да в рукопашную... – хмыкнул Саша. – Сказано ж было русским языком: строго «по гражданке». Ладно. Ты хоть не маячь... – потянул он книзу Кольку Романова за борт курточки. – Ложись за пулемёт.

Вода тем временем шумно схлынула с палубы субмарины, обведённой леерами, и корпус её зачернел на волнах по ватерлинию крейсерского хода. Почти тотчас на верху рубки откинулся люк и появилась фигура в глянцево-чёрном плаще с пелериной капюшона; за ней выросли и споро ссыпались на узкую палубу ещё несколько моряков.

– Гребём, как на параде... – негромко скомандовал лейтенант. – Стрелять по моей команде... *Ein, zwei!* – И, прочистив горло, крикнул в сторону лодки, до которой оставалось уже не более полусотни метров: – *An Bord! Wie der Fischfang?* Эй, на борту! Как рыбалка?

– *Si!* – невольно отозвалась чёрная фигура на мостике.

– Точно итальянцы... – вполголоса пробормотал Саша. – Давайте-ка поближе, пока до них не дошло... – И, распрямившись, демонстративно забросил шмайсер за спину. – *Ein, zwei!* – помахивая рукой, назначил ритм Новик и, оградив ладонью латунный блеск лунной дорожки от глаз, крикнул чёрным фигуркам на борту субмарины, которых заметно прибавилось: – *Nur fallen auf den Grund!* Только не провалитесь на дно! Затянете и нас!

Человек шесть итальянских подводников, видимо, вся свободная вахта, сгрудились под настройкой лодки, на тесной палубе, настолько тесной, что...

– Хорошо стоят, кучно... – процедил сквозь зубы Колька Царь, щурясь на прорезь пулемётного прицела.

– Погоди... – чуть слышно бросил Саша через плечо. – Как говорила Анка-пулемётчица: «Пусть поближе подойдут, гады...» – и с каким-то пьяноватым задором снова выкрикнул в сторону лодки: – *Kann ich den Kapitän sehen?* Я могу видеть капитана?

– *Ja, warum nicht...* Почему бы и нет... – громко, но без надрыва, с командирской самоуверенностью, которую невозможно спутать даже с боцманским нахрапом, раздалось с капитанского мостика. На котором, в общем-то, никого и не было. Только чернели крупнокалиберный С-30 да наполовину отброшенный люк с винтовым замком.

Новик нервно облизнул губы, – до влажной и смоляной, как китовая шкура, брони оставалось не более трех десятков метров, из них половина – золотые блёстки бакового огня субмарины. Уже и тень от шлюпа разведчиков упала на воду; вот-вот – и вполне можно будет разглядеть, кто в ней и чем это чревато. Но, наконец...

– *Aber wer sind Sie?* – с металлическим лязгом окончательно откинулся люк на вершине рубки и блеснул глянцем непромокаемый плащ капитана. – А вы-то кто?

Капитан уперся в край люка подошвой высокого шнурованного ботинка и, подняв козырёк фуражки указательным пальцем, повторил свой вопрос:

– *Mit wem habe ich die Ehre?..* – смягчая гортанную жесть немецкого языка латинской «си-бемоль». – С кем имею честь?

– *Andersen. Leutnant Andersen...* – на секунду запнувшись, ответил Новик. – *Hans Hristian. Der Uferschutz, береговая охрана...*

– Kapitänleutnant Val'di – козырнула в свою очередь глянцево-чёрная фигурка, поправив на груди бинокль. – Капитан-лейтенант Вальди.

– Им что, мама книжек в детстве не читала?.. – нервно хохотнул в приклад «дегтярёва» Колька. Хотя вряд ли малограмотная херсонская рыбацка читала самому Кольке на ночь «Русалочку» Андерсена, как, впрочем, и неаполитанская рыбацка – будущему капитану Вальди. Но всё-таки не сложно разобрать, как представился лейтенант Новик: «Лейтенант Андерсен... Ганс Христиан. Береговая охрана...»

– Seniore... – тем временем обратился капитан-лейтенант к экипажу по-итальянски, окончательно выбираясь из люка: – Это русские и они считают нас идиотами, хотя в отношении вас, мичман, это вполне справедливо. С каким умом вы их подпустили? Какого чёрта здесь охранять береговой охране?.. У кого-нибудь есть гранаты?

Новик, всё это время настороженно прислушивавшийся к итальянской скороговорке капитана, при слове «La granada» как-то невольно ссутулился и, привлекая внимание Кольки, похлопал ладонью его по плечу.

– Сушим вёсла? – не отрываясь от прицела, пробормотал Колька.

– А что ещё... – шепнул Новик и обернулся к остальным разведчикам. – Табань!

И счел нужным пояснить:

– Шансов у нас не особо... Нашу деревяшку их спарка в щепки разнесёт. Конечно, пару тройку тех, кто снаружи, положить успеем, но...

– По моей команде открыть огонь из всего, что на руках! – продолжал тараторить капитан-лейтенант Вальди. – Сильвано, ползайте внутрь и скажите старпому, чтобы готовил погружение. Если русские проявят настырность и сразу не отчалят, будем погружаться. Кто не успеет в люк, прыгайте за борт, мы подберём вас. Боччони, к пулемёту... – секунду подумав, скомандовал капитан-лейтенант и приветливо помахал рукой шлюпу. Но чуть позже добавил негромко: – Впрочем, можно и вовсе обойтись без крови...

– Гранаты в оружейной, – запоздало доложил мичман, калабриец с красивой фамилией Маринелли. – Прикажете достать? Но надо чуть подойти, могу не добросить.

– Не подойти, а отойти, – распорядился после секундной паузы Вальди. – Право на борт, малый вперед!

Лодка зарокотала дизелем и споро повернулась, так что рубка закрыла от краснофлотцев всех, кто оказался на узкой палубе. Струя чуть вспененной гребным винтом воды мягко толкнула шлюп и сбила прицел.

Впрочем, во что теперь целиться? Обшивку из «дегтяря» не просадишь, гранату не добросишь, а ничего более мощного у разведотряда не было.

Один за другим итальянские подводники, уже почти невидимые в полутьме лунной ночи, забрались вовнутрь лодки. На палубе остались только капитан и мичман, и только тогда Маринелли осмелился спросить:

– А почему мы уходим? Мы же могли всех их искрошить?

– И что? – Неприязненно поинтересовался Вальди. – Что я доложу? Что в жарком бою потопил деревянную весельную шлюпку? Вы что, хотите, чтобы я, капитан Вальди, сделался посмешищем на весь «Реджиа Марина»? Чтобы в мичманских школах изучали героический подвиг подлодки СВ-3 и покатывались от хохота?

– Но это же русские... – Только и нашёлся, что сказать Маринелли.

– А это я! – отрезал капитан-лейтенант и взялся за стальную скобу трапа.

– Не стрелять, – чуть запоздало скомандовал Новик.

И в самом деле, палить заведомо безрезультатно, лишь потому, что там настоящие, классические фашисты, а не германские «наци», которых невесть почему, но именно так стали

называть – стоит ли? Задание разведгруппы ведь предусматривало совсем иное. И, как знать, быть может, эта нежданная тишина и поможет его выполнить, во всяком случае, подойти к берегу незаметно?

Конечно, вот такой ловкий маневр и демонстративный уход оскорбительны – мол, нас же что, и за противников не считают?

«Но лучше уж так, – подумал Александр Новик. – А там посмотрим...».

И сказал вслух не своё, заученное, но всё же как нельзя лучше соответствующее:

– Наше дело правое. Победа будет за нами.

Глава 2

Здесь всё вокруг тебя напоминало...

Та же ночь июня 1942 г. Гелек-Су

Сводная разведгруппа 1-го и 2-го отрядов (авиации и морской пехоты ЧФ).

Берег нависал мрачной громадой, когда свечной огонёк полной луны затапливало расплавленным свинцом облаков, и вновь блестел чищеным серебром скальных утесов Ай-Петри, когда облака расплзались, пробитые и изгнанные холодными лучами лунного света. Берег казался полуразрушенным замковым мостом, провисшим над пропастью моря и готовым вот-вот оборваться в его чёрную бездну, в которую даже звёзды боялись заглянуть, вспыхивая редкими блёстками на колеблющейся поверхности.

Берег казался чужим и чуждым, ненадежным и даже враждебным, хотя...

Лейтенант Новик ещё хорошо помнил тот берег, берег довоенной Всесоюзной здравницы, виденный им когда-то также ночью, но с борта прогулочной лодки. И *тот* берег, к *этому*, приложить можно было разве что лишь контурно, с равнодушием чертёжной кальки. В памяти сердца они не прилагались друг к другу нисколько.

Тот берег был иным.

У подножия заколдованного замка Ай-Петри взрывался и, не затухая, трепетал на невидимой волне праздничный фейерверк огней, разноцветный, как монпансье из жестяной банки, куда *она* то и дело запускала свою нескромную шепотку. В барочных химерах тропической зелени белели скульптуры неизменной «девушки с веслом», впрочем, и с кувшином тоже, виднелись готические зубцы и восточный купол дворца, и накатывал волнами пасодобль или танго «Рио-Рита». И было на сердце так по-детски легко и радостно, будто пяти лет от роду отыскал в ящике мороженщика пломбир со своим именем на вафельном стаканчике: «Саша». И кружилась голова от «Вечерней Москвы», невидимым кисейным шарфом выющейся за её смоляными кудрями. И в кудрях этих, на его плече, прятался новенький малиновый кубик младшего лейтенанта НКВД, вчерашнего курсанта, а сегодня уже ни много ни мало – начальника караула...

Правда, не бог весть какого секретного объекта, а ведомственного санатория с незнакомым названием Гелек-Су, но...

Подтянутый, во френче с жарко-медными пуговицами и бриджах в сапоги «бутылочкой», перетянутый скрипучей португеей нагана. А главное, с «байроновским сплином» в чёрных глазах, затенённых глянцевым козырьком, со скептической улыбкой в тонких губах, которые до революции «нервическими» называли. С улыбкой человека, по долгу службы знающего о жизни нечто такое, что и помыслить боязно – «большую военную тайну». К нему, если верить приятелям-однокашникам, даже самые отъявленные комсомолки из кулинарного училища подступить не решались. Посчитаются на танцах – кому «Печорина» на «белый» приглашать, и... Ну его! Как глянет эдак, так и выдашь бабушку, что фельдфебелем женского батальона из-за поленницы дров перед Зимним подсчитывала: «Бежит солдат... бежит матрос...», затвор передёргивая...

Бог весть в кого у сына симферопольских самых что ни на есть пролетариев – водовоза и прачки – удалась такая аристократическая физиономия, хоть сейчас в ИНО НКГБ для внедрения в белогвардейское подполье. Неспроста обладательница смоляных кудрей, дочь самого Пельшмана, между прочим, обращалась к нему шёпотом: «Ваше благородие», когда вместе с папашей, начальником кадрового отдела, в Гелек-Су отдыхала...

Сегодня он снова был там, на бывшей даче Пензенского предводителя дворянства и территории бывшего санатория Крымского наркомата внутренних дел.

Но теперь наглухо зашторены были стрельчатые окна усадьбы – чёрные стекла с бумажными полосками крест-накрест. Не горели лупоглазые прожекторы на башенках декоративных минаретов – светомаскировка; не гремел оркестр в раковине эстрады в саду и не мелькали среди куп лавровишни парочки отутюженных, с иголки, офицеров и их дам, когда смешливых и юных, когда чопорных, как бронзовая чернильница.

Когда-то вечно праздничный, полный шипения шампанского, пьяного треньканья рояля и ресторанного гвалта, дом казался теперь вымершим; даже в затейливой татарской резьбе на его террасах чудилось что-то от паутины заброшенности...

Впрочем, какая-то, приглушенная то ли светомаскировкой, то ли грифом «Совершенно секретно – *Ganz geheim*», жизнь тут угадывалась.

Время от времени между резными столбиками галерей оживало мерное, как маятник, движение часовых; глухо ворча двигателями, подкатывали к парадному открытые штабные «опели» с притушенными фарами и, кудахча переполошенной курицей, торопился куда-то посыльный BMW с коляской...

Старший лейтенант Новик Александр Васильевич.

Особый отдел КЧФ.

Личное дело

Новик А.В. 1919 г.р., член ВЛКСМ, уроженец Симферополя. Окончил школу младшего офицерского состава войск НКВД «Симеиз». Владеет немецким. С лета 1941-го командир сапёрно-маскировочной роты 4-го полка 184 дивизии НКВД, прикрывавшей отход 51 армии из-под Одессы. 11 ноября 1941-го с остатками роты пробился в осаждённый Севастополь. По расформированию полка добровольцем зачислен во 2-й разведотряд штаба флота.

Отлично проявил себя во время Евпаторийского рейда, представлен к медали «За отвагу» и назначен командиром отдельной разведгруппы.

... – Что это у тебя тут, Зелим? – спросил лейтенант у старого знакомого, старика-татарина Зелимхана, после того как тот вновь обрёл дар речи и, машинально дунув на огарок свечи в руке, торопливо втолкнул ночного гостя внутрь своей сторожки на самой окраине парка, в трехстах метрах от кованого забора – «внешнего периметра»: – Штаб какой-то? Кстати, салям...

– Алейкум... – опустился старик, бывший, а может, и всё ещё настоящий садовник огромного парка Гелек-Су, растерянно нащупав под собой табурет. – Откуда ты здесь, Саши-джан?..

– Дезертировал... – подумав и, предупредительно глянув на своего спутника, ответил Саша, присаживаясь напротив, на скрипучую панцирную кровать с хромированными шишечками. – Или от своих отстал, считай как хочешь...

Не далее как полчаса назад командир разведгруппы «Б» 2-го разведотряда лейтенант НКВД Новик и старший матрос Николай Романов, боец той же группы по кличке Царь, переждав, пока сапфирное зарево прожектора проскользнёт дальше по дикому галечному пляжу, вынырнули из-за глыб бетонного лома...

Старший матрос Романов Николай Николаевич.

Особый отдел КЧФ.

Личное дело

Романов Н.Н. 1910 г.р., беспартийный, уроженец Херсона.

Гражданская профессия – моторист 2-го класса. В 1935 г. призван на Черноморский Флот. Действительную военную службу проходил в должности матроса-моториста подлодки

М-118 класса «Малютка». После затопления М-118 25.06.41 во время рейда на Констанцу¹ временно зачислен в бригаду морской пехоты Севастопольского ОБОР. С 5.04.42 добровольцем зачислен во 2-ой разведотряд штаба флота. Состоит на штатном учёте 7-го дивизиона 2-ой бригады малых подводных лодок, как специалист резерва.

Шлюпка «шестёрка», доставившая их к разрушенному пирсу, тотчас же отвалила обратно во тьму, за скалистый мыс, а разведчики остались на берегу, спрятав среди бетонных обломков штук пять гранат и парочку трофейных шмайсеров. Колька Царь даже скрепя сердце сунул в гальку свою бескозырку. А её, оказывается, вопреки строжайшему: «Никаких мне!», он всё время прятал за поясом подстреленных мешковатых штанов, под рубашкой.

Насупив на нос кепку с клапанами на макушке, затянув молнию вельветовой ковбойки, стал Колька совершенно похож на базарного одесского пижона, этакого карманника с Привоза. С шикарным чёрным чубом на смешливых, но колючих глазах.

Ещё через секунду, вскарабкавшись на каменистую осыпь, разведчики канули во мгле по направлению к Ялтинской дороге. Мимо патруля проскочили незамеченными...

Ни адресов, ни явок подполья, которое, согласно предвоенному плану «Д», автоматически взводилось в боевое состояние с первых дней оккупации, как затвор ППШ, Саша Новик, конечно, не знал – чином не вышел.

Но это, как говорится, был «секрет полишинеля». Особой затейливостью план «Д» не отличался. По линии Наркомата внутренних дел этим должен был заниматься первый заместитель наркома, по партийной – второй секретарь и так вниз по структуре, вплоть до городских и районных отделов госбезопасности, милиции, горкомов и райкомов партии. Но, мало того, что каждого такого «подпольщика» всякая собака знала в лицо, ещё и осведомительная агентура вербовалась ими накануне войны из тех же «стукачей», кто клепал доносы в НКВД на своих соседей или начальников. И делали это в редком случае в угаре шпиономании или из других каких идейных соображений – а куда чаще из страха угодить вслед за теми, кого сдал; в гонке на опережение, так сказать. Из страха, что на тебя напишут *раньше*. И то, с каким удовольствием вчерашние доносчики сдавали своих ненавистных кураторов, свои «бумажные» подполья, закладки продовольствия и оружия, и целые партизанские отряды в отдел «1С» 11-й немецкой армии, то есть в контрразведку армии Манштейна – стало притчей во языцех.

Собственно, с этого и начиналась деятельность «фельдполицай» – тайной полевой полиции в каждом мало-мальски крупном населённом пункте, захваченном немцами.

Эта полиция, *Geheimfeldpolizei*, являлась исполнительным полицейским органом, приданным военной контрразведке и действующим в военное время. И деятельность её начиналась с виселицы для тех, кого выдали, и с отправки в концлагеря тех, кто выдал – если, конечно, иного применения иудам не находилось.

Чаще – находилось...

– Зелим, не знаешь, остался в городе кто-нибудь из нашего отдела? – спросил Саша, обжигаясь краем столовской эмалированной кружки с горячим чаем.

Зелимхан поскрёб в седой правоверной бороде – это нововведение лейтенант отметил сразу, потому и оставил открытым вопрос о верности всяческим присягам и клятвам, включая ту, что в детстве давал «делу Ленина – Сталина». Чёрт его знает, раньше национальность старика выдавали только тубетейка да характерный разрез глаз на сморщенном, как печёное яблоко, личике. А теперь выяснилось, что немецкая разведка, несмотря на многочисленные «поимки и разоблачения» своей агентуры в предвоенные годы, действовала более чем успешно, особенно в кругу национальной интеллигенции, и теперь буквально в каждом городе,

¹ По ошибке была успешно атакована эсминцем «Харьков» (примеч. авт.).

в каждом татарском селе вдруг объявились так называемые «мусульманские комитеты», а вскорости и отряды самообороны.

Шайтан их всех знает. Раньше старик производил впечатление добрейшей души, по-детски наивной и занятой исключительно розами и лаврами...

– Не знаю... – пожал старик худыми плечами под овчинной жилеткой. – Как немец подошёл, Каранадзе всех в Симферополь вызвал...

Саша кивнул. О том, что республиканский наркомат во главе с наркомом НКВД Каранадзе практически всем своим штатом вместе с отступающими войсками оказался в Севастополе, он и сам знал, хоть и проходил по другому ведомству, по ведомству *войск* НКВД. Но три сотни чекистских офицеров – не жменя семечек, в карман не спрячешь, распикивали их кого куда, без особого толку и надобности.

Однако, забегаю чуть вперёд, скажем, что, к чести крымского корпуса НКВД, хоть и не особенно справлявшегося с поимкой шпионов в осаждённом городе, все они, за исключением самого высокого начальства, дрались до последнего и погибли на Херсонесском мысу. Таких потерь офицерского состава не знало ни одно управление НКВД на оккупированных территориях.

...– Егер один только вернулся, – вдруг, а может, и не совсем «вдруг», пойдя разбери на засушенной маске лица с извечной доброжелательной улыбкой, которая у Зелима, наверное, сохранилась со времён Пензенского предводителя, первого хозяина Гелек-Су, вспомнил старый садовник.

– Егер? Куркаев? Зам начальника горотдела милиции?

На каждое уточнение Саши Зелимхан покивал.

– Он теперь председатель мусульманского комитета. С немцами знается. Очень... – подчеркнул старик и, сделав пару глотков из пиалы, спросил, как бы между прочим: – Хочешь, скажу ему про тебя?

Саша замер, не отрывая взгляда от кружки.

Царь попятился к окну, тронув пальцами цветастую шторку, выглянул наружу... И, отрицательно покачав головой, сел на корточки у косяка двери.

– Документы сделать... – проследив его эволюции, усмехнулся старик. – Вам же надо теперь документ какой-нибудь, а он тебя помнит, я думаю. Ты ж почти зять Пельшмана, за одним столом сидел...

– Ну, тебя, как я погляжу... – заметил Саша, – он тоже не забывает.

– Что ты, какие могут быть дела у такого важного человека со старым садовником? – беззвучно засмеялся Зелимхан. – Здоровается только, когда тут бывает. Так со мной, слава аллаху, весь Гурзуф здоровается...

– Когда тут бывает? – переспросил лейтенант. – А что у тебя тут теперь такое, Зелим? – повторил он свой, первый при встрече, вопрос.

– То же, что и раньше, Саши-джан... – поднялся за турецким, похожим на медный кальян, чайником татарин. – Отдыхают тут, Саша. Только уже не товарищи офицеры, а господа. «Герр офицеры», а ещё «сеньоры» недавно завелись... Подлить?

Саша бросил быстрый взгляд на Кольку Романова и уточнил, протягивая старику кружку:

– Сеньоры, говоришь? Итальянцы, что ли?

– Румыны, итальянцы... – пожал плечами Зелимхан. – Я их не слишком разбираю, похоже говорят... Наверное, итальянцы... – подумав, решил он. – У румын форма бедная, а эти как павлины. Да, и ещё у них якоря здесь... – похлопал старик себя по рукаву длинной, до колен, белой полотняной рубахи. Тоже непонятно из какого музейного сундука взятой.

– Моряки, значит... – констатировал Саша.

– Наверное.

– Ладно, Зелим! – хлопнул себя по бёдрам лейтенант, будто собираясь встать. – Не надо никому про меня рассказывать, старик. Устал я. Ну их всех. И немцев с их Егером, и Красную армию с их партизанами... Кстати, о партизанах тут ничего не слышно? – поинтересовался он, будто бы между прочим.

– Слышно, почему не слышно... – кивнул старик бритым пергаментным черепом. – Немец часто говорит. На террасе гуляют, говорят: «партизанен» и что-то ругаются очень. А так – не слышно. Не так, как в 19-м. И, знаешь, Саши-джан... – прищутив один глаз, словно от горячего пара, перевёл взгляд старик с одного на другого разведчиков. – О партизанах вам не меня надо спрашивать. Кто мне, татарину, по нынешним временам, о партизанах скажет? Когда наши дети собирают угли на головы своих стариков... – с неожиданной восточной затейливостью и довольно мрачно пробормотал он.

Саша хмыкнул, не найдя что сказать. Романов-«Царь», хоть и сидел по-прежнему, с отсутствующим видом на порожке, всё больше напоминал то ли скрученную часовую пружину, то ли зажатую в кулаке гранату без чеки; поглядывал из-под курчавой чёлки, будто прицеливаясь, куда сигануть, если что...

– Но я думаю, что знаю, где вам можно о партизанах спросить... – повернул Зелимхан голову к лейтенанту.

Новик и Царь переглянулись.

– На Кизиловой улице, крайний дом, как раз перед лощиной... – продолжил старик спокойно и размеренно, словно речь шла о таком же обыкновенном деле, как и состряпать документы через «мусульманский комитет» бывшему энкаведэшнику. – Только сегодня туда не ходите, вам не откроют. А дня через два приплывёте, я вам скажу, где и как с хозяйкой дома встретиться можно...

– Приплывёте? – машинально повторил Саша. И остановил жестом дёрнувшегося было Царя, в глазах которого заглед четырехсекундный запал. – А с чего ты взял, что мы приплыли?

– Ну, Саши-джан... – ощерил беззвучным смехом редкие зубы Зелимхан. – Это немецкий патруль расстреляет тебя только за комендантский час. А для меня вы сюда с красным знаменем пришли, как на парад 7 ноября. У вас соль на сапогах, хоть вы и прячете их под штанины... – ответил он на немой вопрос Романова.

– Вы посмотрите, какой пинкертон, – буркнул тот, невольно почесав носок ботинка о штанину. – Может, мы рыбу ловили...

– Немцы в море только артельщиков выпускают, – усмехнувшись, ответил вместо старика лейтенант.

– И только днём. Так, чтобы береговая охрана видела... – подтвердил татарин.

– Спасибо, Зелимхан, – поднялся наконец с пёстрого лоскутного одеяла Саша. – Будем осторожнее. Я вижу, ты не зря столько лет в органах работал, хоть и садовником, верить тебе можно...

– Не надо мне верить... – отмахнулся старый садовник. – Я сам никому не верю, ни одной власти. Я давно живу и на всех насмотрелся. Я людям верю. Тебе верю – ты глупый и честный, и значит, вдвойне глупый. Не обижайся, Саши-джан, это у тебя от молодости. Такая глупость не мешает быть умным человеком и хорошим воином.

– И на том спасибо! – фыркнул, возвращая кружку на низкий столик, лейтенант. – Думаю, ещё свидимся.

– Если на заборе будет висеть вот эта дорожка... – мотнул головой под ноги себе Зелимхан на пёструю циновку с орнаментом и золотой арабской вязью суры на чёрном, как грань Каабы, поле.

...Эту циновку уже на следующий день внимательно рассматривал капитан, а по нынешним временам вернее будет сказать – гауптман, хоть и «русского батальона» – с самой что ни на есть народной фамилией Иванов.

Рассматривал, будто бы и просто так, чуть ли не из этнографического любопытства, что, впрочем, вполне можно было объяснить и гражданской его профессией. Был до войны гауптман Иванов учителем истории и большим краеведом. Интересовался древнерусской историей Крыма, дотатарской, так сказать. Княжеством Тмутарканским, Корсунью, Сурожем. Так что любопытство его было, в меру соответствия довоенным исследованиям, вполне невинным и праздным.

Но едва только гауптман в сопровождении двух бойцов в форме вермахта с русскими трехцветными угольниками на рукавах удалился, из-за глинобитного белёного забора вытянулась старческая худая и смуглая рука, и циновка с сурой шмыгнула вовнутрь. Не то чтобы хозяин не особенно верил в возможность дотатарской русской истории... Скорее ему новая «русская» не очень-то нравилась.

А может, смутило старика – чего это преподаватель немецкой разведшколы в Гурзуфе, школы специально для завербованных в лагерях военнопленных русских солдат, в этакую даль притащился на молитвенный татарский коврик полюбопытствовать?..

Центральному ШПД² от ИНО НКГБ.

Пояснительная записка

В июне 1941 года в структуре абвера был создан штаб «Валли» для непосредственного руководства разведывательной деятельностью на советско-германском фронте. В 1942-м для борьбы с партизанским движением и для создания антисоветского партизанского движения в советском тылу был создан Зондерштаб «Р». Во главе этой структуры встал белоэмигрант и бывший офицер Императорской Русской армии Б.А. Смысловский.

Крым и Севастополь относились к Разведывательно-резидентской области «А». Начальник соответственной разведшколы для подготовки диверсантской и политической резидентуры – майор «РОА» Г.Г. Бобров, ставший впоследствии заместителем начальника Вайгельсдорфской разведшколы.

² Штабу партизанского движения – своеобразному ГКО, главному командованию партизанских армий (*примеч. авт.*).

Глава 3

Действующие лица и исполнители

Июнь 1942 года. Штаб Севастопольского оборонного района.

Разведотдел

– Особого толка, товарищ майор, от наблюдений подпольщиков, о которых намекал Зелимхан, не будет... – скептически дёрнул губой Новик и добавил, как будто из вежливости: – По-моему.

Тихомиров посмотрел на него несколько удивлённо.

– С чего взял?

– Так мы ж даже не знаем – может ли там кто карту читать, не то чтобы уже координаты для бомбардировки сообщить...

– Это верно... – нахмурился Тихомиров, отправляясь по привычке в поход вокруг стола – довольно быстрый, маршевый. – Мы вообще не знаем, кто они там такие и откуда взялись. – Он раздражённо пожал плечами. – Имеют ли связь с партизанами 2-го района?

– Так что нужен не только радист, но и толковый артиллеристский наводчик... – приободрённый ценностью своего замечания, быстро поворачивался вслед за ним Саша вокруг оси, скрипя хромовыми сапогами.

– Наводчик... – эхом повторил командир разведотдела и снова пожал плечами. – Так здесь этого добра сейчас пруд пруди. Вон, 180 батарей вокруг города...

И зачем-то уставился на бетонный потолок бункера, за которым гулко, отдалённой майской грозой, грохотала непрерывная канонада. Даже сыпалась то и дело с этого потолка нескончаемая известковая пыль. Хотя, казалось, что ещё тут могло сыпаться? За те долгие месяцы, пока рвёт и долбит Севастополь крупновская сталь, включая семитонные снаряды «доры», от одного воя которых кровь в жилах стынет?

– Наводчика подберём... – подошел к карте «Оборонного района» майор. – И самого лучшего... – проворчал он, вглядываясь в карту «СОРа», будто надеясь высмотреть того самого «наилучшего» прямо в зубчатых полукругах картографических батарей... – Подберём... – задумчиво повторил Тихомиров.

Севастополь. Штольни базы 3-го дивизиона ПЛ.

Расположение 2-й разведгруппы

– Что-то я не понял... – поднял глаза на невысокого, но коренастого парня старший лейтенант Новик. – Если восстановлен, то почему снова младший состав?

Взгляд, ответивший ему, был лишен всякого простодушия, будто бы типичного для «рязанской рожи», хоть и типически голубоглазой, да и волосы из-под засаленной по краям пилотки торчали клочьями рыжей соломы. Взгляд изучал нового командира со снисходительным любопытством. И обладатель взгляда неожиданно просипел простуженно ответ, поправив на шее самую натуральную зимнюю портянку. Явно не ношеную, где положено, но всё равно от копоты почернелую донельзя.

Старший сержант Каверзев Антон Александрович.

Особый отдел КЧФ.

Личное дело

Краснофлотец Каверзев А.А., 1918 г.р., член ВЛКСМ, уроженец с. Хитрово Рязанской губернии.

В 1938 году окончил сельскохозяйственное училище по специальности агроном. В том же году призван на действительную воинскую службу с зачислением в артиллеристскую школу.

Окончил школу в звании младшего лейтенанта, командиром полковой миномётной батареи. В июле 1941 разжалован в рядовые по представлению особого отдела 313 стрелковой дивизии. В период обороны Одессы восстановлен в звании и ВЛКСМ как искупивший кровью. Имеет опыт ведения войсковой разведки (рекогносцировка) и подготовки соответственной агентуры из местного населения. В данный момент приписан к 13-й батарее СОР, командир гаубичного расчёта береговой обороны...

– Как восстановили, так и снова разжаловали... – сообщил присланный командиром отряда наводчик.

– Что ж ты? Такой беспокойный, что ли? – хмыкнул Саша. – Задиристый?

– Очень даже наоборот, – невинно просипело новое приобретение разведгруппы. – Обидчивый я очень.

– Понятно... – кивнул старлей, хоть и не особенно понятно было, кто бы мог обидеть такого крепыща. А вот на кого он мог «обидеться», так что прямо до разжалования дошло – догадаться было несложно.

«Поди, такая “обида” обходилась “обидчику” недёшево, не одним зубом...» – подумал Новик, глядя на рабоче-крестьянские кулаки Антона.

Душевные подробности такого рода командир разведгруппы выяснять перед строем не стал, оставив на потом.

Он перешёл к следующему «новобранцу». Впрочем, скорее новоприбывшему, поскольку на порыжелой гимнастёрке бойца поблескивал эмалью орден Красной Звезды. Хоть и не он остановил взгляд командира группы. А место, на котором Красная Звезда сияла манящим пламенем.

Это была плотная девическая грудь, натянувшая гимнастёрку скульптурным рельефом какой-нибудь античной Психеи.

– За что? – невольно сглотнув слюну, кивнул на орден старший лейтенант и наконец перевёл взгляд на лицо обладательницы рельефов.

О такой мордахе ничего и не скажешь, кроме как «миленькая». Поэтического воображения вроде как-то и не будит, ничего особенного, а смотреть приятно – улыбчивая, крепкие «жениховские» зубы никогда не закрываются полностью приподнятой верхней губой с персиковым пушком над линией скромной помады... Когда только мазнуть успевает?... Веснушек целый разворощенный муравейник по широковатым скулам, и по-младенчески наивно-мудрые глаза цвета спелой лещины.

«Ничего такого. Но, поди ж ты, из-за таких простушек-контортиц и рубятся в деревнях топорами ребята из МТС», – отчего-то скользнуло в несколько расстроенных мыслях лейтенанта. Так, что он даже не сразу расслышал звонкий рапорт:

– За диверсионную деятельность в тылу врага, товарищ старший лейтенант!

– В каком тылу? – глуповато вырвалось у Саши.

– Виновата, товарищ старший лейтенант... – сияла девчушка, приложив ладошку к виску с каштановым колечком волос из-под лихо заломленной пилотки. – Не имею права доложить без особого распоряжения разведотдела армии!

«На тебе...» – опешил Новик, машинально отдавая честь, отчего расплылась в двусмысленных улыбках вся остальная разведгруппа.

– Понятно... – только и нашёл чего ответить, но спохватился. – А какой армии, я могу знать?

– 51-й Отдельной армии генерал-полковника Кузнецова!

– Так она же... – недоуменно наморщил лоб Саша, имея в виду, что в таком вот виде – «Отдельная Кузнецова» – 51-я давненько эвакуировалась на Тамань, ещё ко времени первого штурма. И в городе сейчас нет даже её арьергарда, если не считать дивизию НКВД, в которой

воевал и сам Новик. Но генералу Кузнецову они не подчинялись, только прикрывали отступление...

– Так я же говорю... – простодушно развеяла его сомнения девушка всё с той же обезоруживающей улыбкой. – В тылу врага!

– Логично, – коротко кивнул Новик и подумал: «Кажется, Михалыч нашёл именно то, что нужно. Вот только где он это, чёрт возьми, нашёл?»

Сержант Привалова Анастасия Ивановна.

Особый отдел КЧФ.

Личное дело

Красноармеец Привалова А.И., 1922 г.р., член ВЛКСМ, уроженка Москвы.

Студентка МПИ, факультет романо-германской филологии. В 1941 году добровольцем призвана в Красную Армию. Окончила радиотехнические курсы центра диверсионной подготовки Московского ВО. По окончании курсов прикомандирована к разведотделу 51-й Отдельной Армии. Неоднократно забрасывалась в тыл к немцам в качестве радиста особого парашютно-десантного разведотряда. За выполнение сложных заданий награждена орденом Красной Звезды. В период отступления 51-й армии из Крыма разведотряд оказался отрезанным и не был эвакуирован после выполнения ответственного задания. С ценными документами несколько бойцов отряда, в том числе сержант Привалова, сумели пробиться в Севастополь, где сержант Привалова поступила в распоряжение разведотдела штаба флота.

Имеет опыт ведения войсковой разведки и вербовки агентуры из местного населения...

– Значит, так... – подытожил смотр лейтенант. – Задание следующее...

Интерлюдия

...Грохочет орудиями главного калибра «Императрицы Марии» с 30-й и 35-й батареями осаждённый Севастополь, выбиваются из последних сил остатки Приморской армии, и рвут на груди тельняшки спешившиеся моряки, надолго закрепляя за собой прозвище «полосатых дьяволов».

Расходуя последние патроны, вгрызается в древнюю землю Керченского полуострова Крымский фронт, оттягивая на себя всё новые и новые фашистские части из-под Севастополя. Оттягивая момент, когда из чёрной тарелки репродуктора над кухонным столом, над станком, на стене кабинета и бревенчатой стенке блиндажа раздастся трагическое: «Сегодня, после многомесячной героической обороны, нашими войсками оставлен...» – и замрёт, оборвавшись, каждое сердце, и будто остановится в нём кровь...

Кровь войны – чёрная. Кровь войны – нефть.

Она оживляет её механический организм. Остановится ток её в стальных жилах и карбюраторах машин – и замрут без единого выстрела танки, зачахнут авиационный двигатель, снаряды не подвезут на позиции и умолкнут орудия, встанут эшелоны...

Сердце, безуданно качавшее чёрную кровь войны в организм «германского инженерного гения», билось в нефтяных скважинах Румынии; приводившее в движение «ярость благородную» Отечественной войны – на Кавказе.

Между ними – Крым. Пятачок на карте мира – пальцем накроешь. Но многократно, до подробностей высоты №... увеличенный, этот пяточок – и в кармане генерала вермахта, и в командирском планшете лейтенанта Красной Армии. И на столе президента, премьер-министра, короля или генерального секретаря.

Крым. Земля, созданная, кажется, для земного наслаждения райским блаженством, стала сущими вратами ада. Её рвут сапёрные лопатки, её пахут снарядные осколки, её бьют пули как советских, так и немецких солдат. И те, и другие поливают её одинаковой кровью, красной кровью – за чёрную...

С одной только, но существенной, разницей. «Наше дело – правое!»

Так что нарукавные нашивки, которые срочно шьют для солдат Манштейна на фабриках Фатерлянда: «За покорение Крыма» – это если не совсем зря, то ненадолго.

«Победа будет за нами!»

Но пока...

Глава 4

Мастер-палач

Гибралтар

Когда Гельмут разместился в откидном кресле боевой рубки, тишина воцарилась даже на «Потсдамской площади» – так, из-за постоянной беготни и грохота железных пайол, матросы называли кормовой отсек «U-73», соединявший центральный пост с камбузом, дизельным и электромоторным отсеками.

Сняв белую фуражку с золотистым распластанным орлом на чёрном околыше... – по неписаному закону, командир подводной лодки в походе всегда носил белую, парадную – капитан-лейтенант Розенфельд забросил горстью русые волосы со лба назад, зажмурился на пару секунд. Затем опустил, не глядя, ручки командирского перископа и приник к окулярам. Выбор предстоял не из простых. Гибралтар англичане охраняли, по выражению «папы Дёница»: «как собственную спальню».

Ещё он сказал...

Январь 1942 г., Берлин

...– На Средиземном море, мальчик мой, они чувствуют себя, как на заднем дворе своего родового имения. Носятся с мешками и свиньями под мышкой туда-сюда... – Вместо указки по атласной карте заматалась белая перчатка адмирала, зажатая в кулаке. Заматалась, отмечая эфиопское побережье, Мальту и Балканы, где уже «Natürlich» – на полном серьёзе – началась война между англосаксами и германской империей. Что ни говори, а колониальные владения в Африке и на Ближнем Востоке – это вам не абстрактные демократические ценности свободной Европы, это реальные марки и фунты стерлингов, тут ждать у моря погоды не приходится. – Надо и здесь отучить британцев считать Средиземное своим внутренним морем, как мы это сделали уже в Атлантике... – И контр-адмирал добавил, разведя большие пальцы сцепленных на животе рук: – Не без вашей помощи, мой мальчик.

«Мой мальчик», – едва ли не самый молодой капитан-лейтенант подводного флота рейха, но уже с «Испанским» и «Железным II степени» крестами в петлице, Гельмут Розенфельд учтиво подтянулся и коротко кивнул, бросив русую чёлку на глаза.

Это любимое «Mein Junge – мой мальчик» командующего подводным флотом – и впрямь чем-то похожего на лютеранского сельского падре с высоким лбом, невидными белёсыми бровями и ресницами, скудным рыжеватым зачёсом – и породило его прозвище «папа Дёниц». За глаза, конечно.

– Не говоря уже о том... – продолжил «папа», – что, как бы ни распинался наш многоуважаемый Log рейхсминистр, сколь-нибудь достаточно снабжать Роммеля люфтваффе не в состоянии.

Несмотря на довольно рискованное определение: «Log» (враль, болтун) в адрес ближайшего соратника фюрера, рейхсминистра Геринга, физиономия контр-адмирала по-прежнему сохраняла самое педантическое выражение, только невольно как-то адмирал побарабанил большими пальцами по животу в двубортном тёмно-синем кителе, вообразив себе, видимо, «жирного Германа» воочию.

– Однако, калитка на этот задний двор Британии только одна... – снова обернулся к синим полушариям за спиной Дёниц. – И довольно тесная – Гибралтар. Сделать её открытой для наших судов или, по крайней мере, время от времени захлопывать перед носом Королевского флота – ваша задача, мой мальчик.

Гибралтар

И вот U-73 капитан-лейтенанта Розенфельда, флагман специального отряда подлодок серии VII В – лодок атлантических просторов и больших возможностей – лежит на стальном брюхе, затихнув в мглисто-зелёном подводном сумраке, как узкорылый хищник. Недвижный, но изготовившийся метнуться за нерасторопной дичью.

И дичи более чем предостаточно. Штурман и боцман машинистов на центральном посту, внизу, под вращающимся креслицем командира, переглядываются. Даже молоденький обер-фенрих в должности офицера локации изумлённо и сердито уставился на капитана, замершего с закрытыми глазами и как-то бессильно повесившего руки на рукоятях перископа. Уж кто-кто, а фенрих – выпускник офицерского училища в ожидании присвоения офицерского звания – знает, слышит в кожаных наушниках: транспорты есть, проходят над их головами один за другим, тысячи тонн, победные реляции фюреру, очередные звания и, может даже, «железные кресты». И чуть задранная со дна щучья морда их лодки смотрит прямо в днища транспортов британского конвоя, глубоко просевшие в подводную мглу, словно вынюхивает четырьмя косыми прорезями торпедных аппаратов ту, единственную, но самую нужную, самую соблазнительную жертву... Самый главный приз на этой ярмарке смерти.

«Однако... Когда же? Когда капитан решится? Вот ещё 7 000 брт исчезло из сектора обстрела. Donnerwetter!...»

Гельмут усмехнулся, словно услышал тщеславные мечты будущего «волка Атлантики». Когда-то, теперь, кажется, в бесконечно далёком 32-м, и он, молодой «фенрих цур зее», с такими же мыслями вглядывался с палубы лёгкого крейсера «Кенигсберг» в свинцовую морскую даль.

«Что ж, у этого малого куда больше шансов сделать быструю карьеру... очень быструю... – подумал Гельмут, массируя воспалённые глаза большим и указательным пальцами. – Средняя продолжительность жизни нынешних подлодок кригсмарине редко превышает 2–3 похода...»

– «Игл»? – произнес оберфенрих, акустик, чуть слышно шевельнув по-детски пухлыми губами, и поднял на капитана ищущий вопросительный взгляд.

«Однако кое-что для него можно сделать и прямо сейчас... – кивнул в ответ Гельмут и снова припал к резиновой маске окуляров. – Вот он...»

Авианосец «Игл» возвышался над эскортом кораблей охранения с надменностью индийского раджи в толпе слуг и евнухов. Не поймешь даже, для кого такой солидный эскорт – для конвоя, идущего на Мальту с войсковыми грузами, или для него самого? Неуклюжий, со снежённой как бы набок верхней палубой, угловатой рубкой, увенчанной радиомачтой и дымовыми трубами, сгруппированными на корме...

Гельмут повернул рукоять перископа и к глазам его резко приблизились бронелисты борта в серо-голубом камуфляже, гнутые тали спасательных шлюпов, подъёмник для гидросамолётов. Чуть выше, на открытой палубе, задрали усытые крысиные морды дюжина многоцелевых «Аэрокобр».

«Вот, герр фенрих, сынок, это и есть главная призовая цель. Без них, без американских самолётов на английской службе, все тонны военных грузов конвоя, считай, что уже на дне. С этим ребята из люфтваффе сами справятся. Им это сподручней и...»

– Всплываем с кормовых резервуаров... – негромко распорядился Гельмут. – Приготовиться к атаке. Номера один, три, два, четыре...

«Штабсбоцман машинирен» подскочил со своего кожаного креслица, сразу обеими руками завертел маховиками дистанционного управления, успевая при этом что-то отрывисто выкрикивать в медный раструб переговорного устройства, в машинное отделение: больше не было необходимости в маскировочном режиме «das Schweigen», молчания. Всё равно, менее чем через минуту...

U-73 поднялась, словно учуяв добычу. На баке лодки вскоре заплясали чешуйки солнечных отблесков. И когда до слюдяного потолка светящейся поверхности моря осталось не более легендарных семи футов, носовые отверстия торпедных аппаратов взорвались алмазным фейерверком пузырей, и серебристые нити потянулись в направлении невидимой цели...

Гельмут Розенфельд её видел. Он видел, как содрогнулась стальная громада авианосца, за клубился дымом и пламенем его правый борт, из бурых клубов полетели неразличимые потроха его внутренностей. И прежде чем на сторожевых кораблях начался «Alarm», или попросту паника, прежде чем, рыская противолодочным зигзагом, английские эсминцы заложили штурвалы в сторону атаки, U-73, вспоров на мгновение трубами перископов волны Средиземного моря, снова канула в зеленоватой подводной мгле. Как на край местами вздыбленной, местами проваленной лётной палубы поползли беспомощные «Аэрокобры» в синем камуфляже морской авиации, Гельмут уже не видел.

Но «папа Дёниц» по этому поводу высказался: «Командир лодки рисковал: конвой мог изменить курс, что лишило бы его шансов на успех. Но он правильно считал важнейшей задачей потопление авианосца, потому что германские и итальянские самолёты после выхода его из строя получили бы отличную возможность атаковать конвой, оставшийся без воздушного прикрытия. И этой цели командир подводной лодки добился. И это уже расчёт не рядового командира лодки, стремящегося выполнить атаку при первой возможности. Это адмиральский расчёт, хладнокровие и умение Мастера».

Апрель 1942 г., Берлин

– Поэтому именно вас, дорогой Гельмут, я и утверждаю командиром 30-й флотилии, – по обыкновению сцепив на груди пальцы и шевеля только большими, раздельно произнёс Карл Дёниц, словно диктуя приказ стенографистке. – Вас смущает, что после океанских «семёрок» вам придется командовать этими карликовыми старушками, II В?

– Нисколько, герр адмирал! – повернулся вслед за ним капитан-лейтенант, невольно показав высшую награду рейха, «Рыцарский крест», на белой рубашке в отворотах парадного, с погонами, кителя, следя за адмиралом с подобострастием.

Не более, чем предписанным субординацией. Хотя... Может, и было чему смутиться. Именно с них, малых, водоизмещением всего около 250 тонн, «U-Boot-Klasse II-B», и начиналась его служба на подводном флоте. В первой, во всех отношениях, подводной флотилии возрождаемых после Версальского позора кригсмарине, флотилии № 1, которой командовал сам стоящий теперь перед ним Карл Дёниц – тогда капитан 2-го ранга, а теперь адмирал, главный теоретик и практик подводной войны Германии. И не только Германии... Когда же это было? В феврале 36-го, кажется? Ему, оберлейтенанту флота Розенфельду, «папа Дёниц» доверил его первую лодку U-2, и уже весной в водах Испании он заработал свой первый «Испанский без мечей» крест. Потом был Ла-Манш...

– Оперативной зоной новой флотилии... – отвлёк его от воспоминаний адмирал, – ...станет Чёрное море, а противником, ни много ни мало – весь Черноморский флот русских.

– Чёрное море? – машинально переспросил Гельмут, вскинув глаза на карту над лысеющей головой Деница, где предполагаемая оперативная зона была замкнута в рыжих очертаниях берегов с обречённостью болота, если бы не узкая прорезь Босфора да коридорчик в тупик, в Азовское...

Практически внутреннее море СССР.

«Шайсе, снова продираться ползком по дну, как в Гибралтарский пролив... – нахмурился Гельмут. – Хорошо, хоть турки вряд ли проявят рвение...»

– Отстреливаться от турок вам не придётся, мой мальчик, – будто услышав его сомнения, усмехнулся адмирал, расхаживая по ту сторону обширного стола, заваленного картами, почти сплошь окрашенными синим разной интенсивности – так отмечались горизонты глубин.

– Боюсь, что попасть на театр боевых действий по суше, герр адмирал, совсем... – Гельмут, будто боясь сказануть что-то лишнее, прочистил горло. – Совсем новое для субмарин дело, герр...

– Поэтому вы и займетесь им незамедлительно, – поощрительно кивнул Дёниц и ткнул в капитана большими пальцами сцепленных рук. – И лично. Хорошо бы успеть до того, как Манштейн сорвёт лавры покорителя Севастополя. Так что, в ближайшую неделю вы ещё можете воспользоваться законным отпуском, но уже во вторник...

Киль. «Германские верфи». Апрель 1942 г.

– Габариты и веса ваших лодок, герр капитен-лейтенант, приводятся в соответствие с требованиями транспортировки.

Сухощавый инженер с наружностью «учёной воблы» в шинели с синими петлицами, но сукна цвета «фельдграу» – полевой формы вермахта – вызвав удивлённый скачок брови Гельмута, довольно ловко взобрался на ограждение мостового крана и, рискуя наступить на полы шинели, опасно накренился вниз, указуя размахивая перчаткой.

– Нельзя сказать, чтобы это было так уж и просто, герр капитен. До Ингольштадта колонна будет двигаться по автобану, но ведь перед этим у нас ещё и Кильский канал до Эльбы, да и потом Дунай, скажу я вам, тоже... – Морской инженер помахал чёрной перчаткой, словно изображая плеск окунька на нересте. – Всего 2 400 км. Покуда доберёмся до места сборки, до румынского Галаца, забот всем нам хватит...

– Не сомневаюсь... – довольно мрачно пробормотал Гельмут, подойдя к ограждению и взглянул вниз, в железное ущелье сухого дока, далекое дно которого, несмотря на полдень, было затенено, но то и дело озарялось радужными огнями сварки и красными фейерверками искр.

Лодка U-18 старого знакомого Гельмута обер-лейтенанта Фляйге, стоявшая в стапелях, вид имела (Розенфельд поморщился) не то груды металлолома, не то, не дай бог, жертвы бомбёжки. Чёрные пятна копоти, дыры снятых бронелистов. А носовой отсек со вскрытой дифферентной цистерной вообще пугающе напоминал оголённый тлением рыбий череп...

«М-да... – хмыкнул Гельмут. – Вид отнюдь не морского хищника».

Обер-инженер истолковал мрачность его гримасы по-своему.

– Не беспокойтесь, герр капитен, – заметил он сухо. – Разорение только видимое. Демонтированное оборудование, от аккумуляторных батарей до рубки, самым педантичным образом каталогизировано и будет собираться работниками нашей верфи, откомандированными в Румынию. Никакой передачи «из рук в руки». Руки будут одни и те же! – Решительно сорвав кожаные перчатки, обер-инженер демонстративно предъявил свои холёные ладошки, едва ли знакомые с гаечным ключом.

Свежеиспечённый командир тридцатой флотилии, покосившись на них, недоверчиво покачал головой.

– Переезд, как известно, сродни пожару. Как вы думаете паковать такой... э... негабаритный багаж, герр?

– Шульц... – напомнил инженер, взглянув поверх круглых очков в золотой оправке. – Это моё личное изобретение, – заявил он с достоинством, будто исчерпывая тем самым все возможные сомнения капитана. – Обратите внимание туда... – инженер кивнул на другой берег дока, в серых и рыжеватых «геологических» слоях бетонной заливки, отражавших углубление дока со времён закладки прошлого века.

Там, под членистыми конечностями кранов в жёлто-чёрной чересполосице габаритных меток, лежало несколько больших армейских понтонов. Непривычной конструкции – сегментированных, как танковые гусеницы.

Гельмут через плечо вопросительно взглянул на инженера.

– Лодку запрокидываем набок, потом шестью специальными понтонами мы делаем вокруг неё как бы плавучий ящик... – продолжил тот. – И в таком виде буксируем по каналу, по рекам...

Зябко пряча бритый досиза подбородок в нашейный галстук, Гельмут посмотрел на новоиспеченного Леонардо да Винчи довольно скептически.

– А по дороге?

– Автомобильные платформы, тоже специальной конструкции, 18-осные, на два тягача каждый. И всю дорогу, также в прицепе, их будут сопровождать зенитные автоматы С-30. Кстати сказать, их собственные, палубные, в боевой готовности.

Гельмут непроизвольно вздохнул.

– Впрочем, это уже не моя компетенция, – отмахнулся обер-инженер. – Что я могу обещать вам, так это то, что транспортировка и сборка будут осуществлены достаточно быстро, и скоро ваши лодки выскочат у берегов Крыма и Кавказа, как чёрт из табакерки...

Глава 5

Хоть бы что-то хорошее...

Туапсе. 1942 г. Штаб КЧФ. Разведотдел

– Вот, посмотри. Из секретки только сейчас доставили, Ставка... – с малозаметным кавказским акцентом произнёс полковник Гурджава, кивнув через плечо на стол, заваленный картами и лощиями тактического масштаба.

– Что, можно прямо так и посмотреть, Давид Бероевич? – с сомнением переспросил командир 2-го разведотряда майор Тихомиров, подаваясь на стуле вперёд.

– А как ещё? – не оборачиваясь, раздражённо махнул тлеющим окурком «Казбека» Гурджава. – Можешь и не так, можешь с очками! – Однако, подумав секунду, быстрым шагом вернулся к дубовому массивному столу и выхватил документ с красной диагональю «особой секретности» уже из-под ладони майора: – Ладно. Сам растолкую...

Нашупав на угловатом бритом черепе пенсне, но забыв спустить их на горбинку переносицы, Давид Бероевич замычал, шевеля губами:

– М-м... Вот! – Однако зачитывать вслух отчего-то не стал, бросил документ в ящик стола и, задвинув ящик ладонью, звякнул связкой ключей.

– В общем, сначала, как это, прелюдия...

Полковник подошёл к огромной карте черноморского бассейна в тяжёлом морёном багете – наследие дореволюционного страхового общества «Ллойд-Черномор» – в углу, вон, ещё государев орёл двуглавый.

Задумчиво покачнувшись пару раз с каблучков на носки скрипучих сапог, очертил серой пряжей табачного дыма абрис Севастопольской бухты.

– Как ты думаешь, почему наши флотские базы до сих пор не подвергались сколь-нибудь серьёзной атаке с моря? А? Флот ведь с самого начала обороны Севастополя, можно сказать, «сидит на бриделях» в Новороссийске и здесь, в Туапсе? Плавучие батареи. Бомбить их бомбят, минируют с воздуха, а корабли раз за разом прорываются в Севастополь. Без подвоза боеприпасов и людей, сам знаешь... Полноценной морской блокады Севастополя, откровенно говоря, нет до сих пор. Почему? – полковник снова поканулся, скрипнув сапогами.

– Бог миловал? – с серьёзной миной предположил майор, но тут же поправился: – Прошу прощения, товарищ полковник. Я хотел сказать, а кому, собственно, блокировать-то? Турки с Гитлером, понятное дело, в усы целуются, но пропустить немецкие корабли через Босфор побаиваются-таки. Держат нейтралитет. Ждут, понимаешь, собачьи дети, сдадим мы Крым или нет.

Гурджава неопределённо хмыкнул, то ли соглашаясь, то ли вспоминая некие высокие материи, которые майорам знать не положено.

– А с румын что взять?.. – продолжил Тихомиров и пожал плечами. – Насколько я знаю, их Королевский флот – так, видимость одна, два крейсера времён «Очакова и покоренья Крыма». Семь эсминцев – немногим лишь моложе, и аж три торпедных катера – и все задействованы на охранении нефтяных транспортов, с тех пор как наши «Щуки» их в Констанце прищучили. Подводная лодка, правда, у них ещё была одна, «Делфинул», на что-то способная... Но её вроде как уже потопили... – Яков Михайлович иронически хмыкнул, огладив костяшкой пальца седые подстриженные усы. – Раза три уже³. Так что, регулярные рапорты о якобы замеченных подводных лодках и даже атаках... – Тихомиров скептически поморщился и, мельком глянув на полковника, продолжил: – Боюсь, что это «у страха глаза велики».

³ И все-таки обнаружили в 44-м трижды «утопленницу» у пирса в Констанце (примеч. авт.).

– Согласен... – Гурджава энергично раздавил обугленный мундштук в пепельнице и тотчас же принялся выколачивать из коробки следующую папиросу. – Я тоже так думаю, хоть Октябрьский⁴ и доносит в ГКО, что немецких подлодок здесь десятка два, не меньше... Надо же на что-то списывать потери от собственных мин, которых накидали в 41-м больше, чем немцы сейчас... – он зло расплющил мундштук папиросы и продолжил уже с горской обстоятельностью и рассудительностью. – Но будь это так, нашей противолодочной обороне дышу б не было, чего-чего, а опыта «мальчикам Дёница» не занимать, вон, как в Атлантике орудуют. А так – наши эсминцы и «Малые охотники» заняты чем угодно: высадками десантов, разведкой побережья, дозорной службой на рейдах, и даже бомбят магнитные и акустические мины вместо тральщиков... – Давид Бероевич, вспомнив наконец о папиросе, сосредоточился на огоньке спички. – Только вот теперь, Яков Михайлович... – дунул он на спичку. – Теперь, кажется, придётся им оставить всё это на «тюлькин флот» и вернуться к своим прямым обязанностям согласно регламенту.

– Турки открыли Босфор, что ли? – нахмурился Тихомиров, скрестив на груди руки, словно на капитанском мостике.

– Турки тут ни при чём... – поморщился Гурджава. – Конвенции Монте они, хотят – не хотят, а придерживаются. Тут другое...

И, прикрыв глаза, будто припоминая дословно содержание документа, который только что предлагал посмотреть майору, воспроизвёл:

– По данным разведки, в марте этого года на альпийском курорте Гармиш-Патенкирхен состоялась встреча командующего кригсмарине гросс-адмирала Редера с адмиралом Рикарди, главой итальянских «Реджиа Марина». Редер обратился к итальянцам с просьбой помочь своими подводными кораблями в организации эффективной морской блокады осаждённого с суши Севастополя.

– Это ж каким образом? – недоумённо дёрнул бровью Тихомиров. – Сюда со Средиземного моря, да минуя турок?..

– Муссолини дал согласие и уже 2 мая шесть сверхмалых подводных лодок спущены на воду военно-морской базы Оси на Чёрном море – в румынской Констанце... – будто не услышав его, продолжил Гурджава.

– Сверхмалых... – соображая, повторил командир 2-го разведотряда. – Железнодорожный транспорт?

– Именно, – кивнул полковник. – И по Дунаю паромами.

– Второе мая... – обернулся Тихомиров на отрывной календарь, висевший в редком промежутке карт за шкафчиком маятниковых часов. – Недели две уже. И что, их видел тут кто?

– А вот на этом, Яков Михайлович, прелюдия заканчивается... – Гурджава отодвинул стул, усаживаясь. – И начинается постановка оперативной задачи.

– Слушаю... – майор, бросив адмиральскую позу, тоже подался со стулом вперед.

– Как ты понимаешь, для сверхмалых лодок, то есть с неизбежно ограниченным радиусом действия, главная база – Констанца – никак не подходит, далеко. Следовательно, они вынуждены будут перебазироваться или перебазировались уже на крымское побережье и сейчас где-то вблизи Севастополя. А вот где именно? Выяснить это можно только одним способом. Пойти и посмотреть, вернее, поплыть. Никакой возможности задействовать авиацию флота, чтобы выбросить диверсантов, сейчас нет. Готовится эвакуация...

– Всё-таки эвакуация... – мрачно забарабанил пальцами по столешнице Тихомиров, знавший о положении в осаждённом городе не понаслышке – сам только что вернулся из Севастопольского ада по вызову разведотдела. – Что ж, следовало ожидать...

⁴ Октябрьский Филипп Сергеевич, вице-адмирал, затем (с 1944 г.) адмирал, командующий Краснознамённым Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом.

– Вице-адмирал не в первый раз уже запрашивает об этом Ставку, – пожал плечами Гурджава. – И потом, флот, по сути, с той осени уже базируется здесь, на Кавказе, и главное...

– Обком крымский тоже уже здесь... – меланхолично продолжил за него майор. – И вообще, всё самое ценное...

– Вот что, Яков Михайлович... – Гурджава устало подпёр рельефный лоб ладонью и глянул из-под неё на Тихомирова, будто мучаясь мигренью. – Как я погляжу, так и не вытравился из тебя севастопольский матрос-«братишка»... анархист. Отправляйся-ка ты обратно, пока никому тут на мозоль не наступил, – полковник подтолкнул к Тихомирову листок с предписанием. – Со штабом оборонного района я свяжусь, чтобы в твоё распоряжение передали кого-нибудь из десантников разведотряда авиации флота. Они там ребята brave, а прыгать им пока неоткуда, разве что с трубы фабричной... Если там есть ещё хоть одна целая...

Тихомиров не по-уставному кивнул.

– И вот что ещё... – Давид Бероевич потёр лоб ладонью. – Хорошо бы вам связаться с партизанами 2-го партизанского района, потому как вы приплыли-уплыли, а они могли бы понаблюдать за возможными местами дислокации подлодок и продолжительней, и основательней. И не только подлодок. Ещё и катера могут накатить на наши головы... Есть идеи на этот счёт?

– И не только идеи, товарищ полковник! – хмыкнул Тихомиров. – Люди тоже есть...

В Ставку Верховного командования от ИНО НКГБ.

Пояснительная записка

«В ответ на просьбу командующего кригсмарине гросс-адмирала Редера помочь своими подводными кораблями в организации эффективной морской блокады осажденного с суши Севастополя, адмирал итальянских “Реджиа Марина” Рикарди распорядился транспортировать не только шесть сверхмалых подводных лодок “11-я флотилия СВ” под командованием капитана 2-го ранга Альберто Торри, но и спецподразделение “марина коммандос” “FLOTTIGLIA MAS”.

Для мобильной транспортировки на Черноморский театр военных действий (и на таком) особая группа штурмовых и минных катеров была организована в специальную автоколонну. В штаты колонны вошли:

Командир колонны и водитель штурмовых средств капитан 3-го ранга граф Альдо Ленцо; капитан-лейтенанты Романо и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити – водители штурмовых средств; 14 унтер-офицеров, из которых 8 водителей штурмовых средств и 29 младших специалистов и рядовых – всего 48 человек. Техника: 5 торпедных катеров (MTSM) на автотяге; 5 взрывающихся катеров (MTM) на автотяге; 1 штабной автобус, оборудованный койками для всех водителей торпед; 1 автомашина со смонтированной на ней радиостанцией, служившая одновременно канцелярией колонны и складом мелких запасных частей; 1 легковая автомашина повышенной проходимости для командира; 1 связной мотоцикл; 3 трактора; 5 автотягачей “666” и 5 специальных прицепов для перевозки катеров (MTSM); 2 прицепа для перевозки торпед; 1 автомастерская, оснащенная всем необходимым для ремонта автомашин, катеров и торпед; 1 автоцистерна емкостью 12 тыс. л; 3 автоприцепа-цистерны для перевозки жидкостей; 1 автоприцеп для перевозки боеприпасов; 1 автокран для подъёма катеров.

На вооружении колонны, кроме личного оружия, состояли две автоматические 20-мм зенитные пушки на автоприцепах»...

Глава 6

Знакомство неожиданное...

Всё тот же июнь 1942 г.

Ночь пробиралась по кривым улочкам Гурзуфа, как битая собака, пугливо и неприметно для прохожих. Впрочем, каких прохожих? Листовки, белевшие в темноте даже сейчас, когда вроде и не к кому было обращаться, кричали с гортанным немецким акцентом: «erschossen – тутет расстреляйт!»... – Только высунься во двор после того, как напольные часы в кабинете коменданта прогудят медным звоном 10 вечера.

Но вслед за этой, по-собачьи пуганой, битой ночью всё равно крались живые тени. Прижимаясь к подворотням купеческих домов, к слепым кариатидам дач мелкоотравчатого дворянства, воротам обывательских дворов и сокращая путь через развалины, уже залеченные подорожником и лопухом. Крались гуськом, воровато, но словно оскалив зубы, в любую минуту готовые впиться в горло врагу...

Странное дело, но проводник этого невидимого постороннему глазу отряда беспечно шёл прямо посередине улочки, отбрасывая длинную тень на посеребрённой луной чешуе булыжной мостовой. Впрочем, даже попадись он на глаза, спрятанные в тени глубокой немецкой каски, вряд ли кто из патрульных стал бы срывать с плеча маузер: «Halt!» Согбенная в три погибели – более, чем того стоило – кряхтящая и причитающая что-то набожное, фигура в длинном, до пят, стёганом халате опасения не внушала нисколько. Самое большее, чего мог опасаться старый татарин – того, что постучится ему в нарочитый горб прикладом фельдполицай: «Дранг нах... хауз!»: что, мол, взять с этих бестолковых «союзников», которые, поди, и по-русски читать не умеют, не то что по-немецки?..

– Зелимхан, далеко ещё? – окликнула старика непроницаемая мгла, когда тот поравнялся с очередным заколоченным парадным, всё так же бормоча под нос то ли набожные аяты, то ли безбожные проклятья радикулиту и старости.

Зелим остановился, шумно высморкался в сторону, чтобы осмотреться, в тон своему непрерывному, как колотушка сторожа, бормотанию, отозвался:

– Пришли. Через один дом... – И пошёл дальше, шаркая растоптанными туфлями.

Через один дом старший лейтенант уткнулся в спину идущего во главе цепочки Кольки Царя и выглянул через его плечо.

Домишко просел между соседними, в восточном стиле, усадьбами, словно ящик чистильщика между торговыми киосками. Над дверью с почти приросшим к ней единственным окошком и впрямь белели пузатые буквы чёрной старинной вывески: «Керосин» времён, должно быть, НЭПа и «нашего ответа Чемберлену». Вот он, указанный Зелимханом ориентир...

Саша Новик слегка подтолкнул Кольку в спину, одетую во всё тот же пижонский «лапсердак».

Царь, сунув руки в карманы, отделился от спасительной тени. Иначе никак, улица Кизиловая тут выписывала очередной из своих немыслимых кренделей, так что «через дом» по одной стороне – получалось почти напротив. И с независимым видом, вихляющей походкой потомственного босяка, Романов направился к двери и слепому окошку, безжизненному, как глазница черепа.

Впрочем, после того как Колька не особенно деликатно погромел железным «ухом» всячего звонка, позвенел оконным стёклышком и крикнул в изрядную, с палец, щель между дверью и косяком:

– Баб Маша, отпустите керосину! *Тетушка Фелиция затеяла самогон варить, очень просят!*.. – Засаленную занавеску прожгло пятно свечного огонька.

Если первая фраза вполне могла быть и случайной, то вторая – никак. Её отдельно, чуть ли не по слогам, старый садовник надиктовал Новик у около часа назад, когда они, вместе с бывалым Колькой, сидели у него в сторожке, а остальные члены группы оставались во дворе: кто пристроился за огромным винным чаном, кто – за горой садового хвороста.

Надиктовав эту бесхитростную фразу, Зелимхан с прямою ослиной упрямостью – не стал рассказывать, откуда ему известен этот подпольный «сим-сим».

«Это не моя тайна, Саши-джан. Хочешь верь, хочешь не верь... – всё, чего добился Новик от старика. – А ответить тебе должны будут»...

– *Неужто жива ещё тетка?* – раздалось из щели.

– Живее нас с вами... – хмыкнул Колька Царь, озираясь...

Лавка действительно до сих пор отпускала керосин, ставший ещё более насущным с тех пор, как вместе с советской властью исчез «Коммунхоз», а разом и «электросеть». Не то чтобы вовсе «электрика» потухла, но сосредоточилась она исключительно на обслуживании оккупантов. Ну и ещё тех немногих, это уж кому повезло быть на одной линии с оккупационными учреждениями или немецкими квартирантами. И, как бы ни косился командир здешней команды «фельдполицай» Дитрих Габе на такую лавку: «всё для поджога», но гауляйтер распорядился не чинить препятствий частной торговле населения. Так что баба Маша продолжала благое дело...

Керосиновая леди

С этой «Großmutter Marija», «бабушкой Марией», оберлейтенант Габе и сам не прочь был «дедушкой» заделаться. Хоть ненадолго.

Даром, что на первый взгляд пришедшая зарегистрироваться в комендатуре Мария Казанцева и впрямь показалась эпической, или там хрестоматийной ведьмой. Появилась на пороге в рыжем шерстяном, несмотря на жару, платке, насупленном на самый нос, в каком-то немыслимом одеянии, которое иначе как хламидой и не назовёшь. Седая прядь выбивалась из-под платка на щеку, изуродованную лиловой бороздкой шрама. Да ещё керосином от неё несло презрительно.

Оберлейтенант, который случайно оказался тогда у стола «трудовой занятости» в комендатуре, брезгливо поджал тонкие губы, сторонясь сутулой фигурки, и направился к двери. И – запнулся, уже взявшись за медную ручку, когда услышал за спиной спокойное грудное сопрано практически без акцента:

– Ich wollte den Arbeitsplatz des sterbenden Onkel einnehmen, Herr Offizier....

Вздернув выгоревшими бровями, Дитрих обернулся. На стуле перед секретарем сидела дама...

Donnerwetter! Вне всякого сомнения, дама – этакая трагическая «Юдифь» Франца фон Штука из Дрезденской галереи! И дама с равнодушной любезностью, с которой обращаются к слугам, говорила на прекрасном немецком непосредственно коменданту Лидвалю, игнорируя своего соотечественника, секретаря отдела «трудовой занятости»:

– Я хотела бы занять место своего недавно скончавшегося дядюшки в керосиновой лавке...

Теперь невообразимая бурая хламида дамы казалась не более чем изобретательностью портного, прислуживающего даме из обедневшего дворянского семейства. Вон, даже краешек кружевного воротника выглядывает из-под сброшенного на плечи платка. Седая прядка на щеке оказалась единственной, не нарочно ли выпущенной из классического тяжёлого узла русых волос, поднятых на затылке. Взгляд бездонных, как ночь, агатовых глаз хранил тайну этого хоффмановского превращения лучше всякого грифа «секретно». И даже шрам, от скулы к шее, стал клеймом некоей тайны происхождения. И, как ни странно, именно этот лиловатый

шрам, придав продолговатому лицу печать нескончаемой, со сцепленными зубами, памятной боли, сделал возраст дамы совершенно неопределимым. Такую печать можно нести и в двадцать лет, и в тридцать, и в шестьдесят. Впрочем, присмотревшись к морщинкам в опущенных уголках большого рта, всё-таки...

«Не больше сорока, сорока пяти...» – решил для себя оберлейтенант Габе.

– Вы сказали, в керосиновой лавке?... – спустя добрую минуту переспросил комендант, не менее Дитриха ошарашенный.

Майор Густав Лидваль, который, разговорившись с Дитрихом, также случайно задержался здесь, ладонью смёл со стула русского чиновника и, усевшись напротив, поставил локти на стол и положил двойной подбородок на замок пальцев.

– Такой очаровательной и обаятельной фрау никак не годится сидеть в какой-то там вонючей керосиновой лавке! – наконец разродился он довольно неуклюжим комплиментом. – Даже ради светлой памяти вашего дядюшки примите мои соболезнования...

– Danke... – коротко кивнула таинственная незнакомка. – Благодарю вас, но у меня есть дети, которых едва ли насытит моё обаяние.

– Конечно, конечно... – развел руками майор, – фрау..?

– Мария Казанцева.

– Фрау Казанцефф... – склонил голову к плечу Густав Лидваль, не то припоминая, не то прислушиваясь. – Но, может быть, место переводчицы? С соответственным обеспечением... – очнулся он, видимо, не вспомнив ничего предосудительного. – Здесь или в любом другом учреждении германских властей? Я вижу, вы отлично владеете немецким...

– Я преподавала язык в школе, в Саратове, – поправила на груди бледные останки кружевной манишки «фрау Казанцефф». – Но оставила учительствовать ещё в 32-м по той же причине, по которой переехала в Крым и по которой едва ли смогу принять ваше любезное предложение, герр..?

– Лидваль. Майор Густав Лидваль... – слегка приподнял над стулом внушительный зад комендант.

– Видите ли, господин майор, я больна. Туберкулёз, или, как у нас говорят, чахотка...

Только теперь оберлейтенант Габе, невольно задержавшийся у дверей во всё продолжение разговора, обратил внимание, что румянец, особенно выделявший шрам женщины, и впрямь какой-то горячечный, резко контрастирующий с трагическими тенями под глазами, бледностью висков...

Густав тем временем, раздумчиво пожевав пухлыми губами, кивнул:

– В таком случае не будем говорить об этом ему... – небрежно махнул он рукой на русского чиновника. – Иначе мы вынуждены будем вам запретить торговлю. И жаль, очень жаль, что ваше знание языка «нового порядка» пропадёт втуне...

– Мне тоже, – вежливо ответила Казанцева.

И не солгала. Пришло время, и она действительно пожалела. Пожалела о том, что, не желая работать на оккупантов, прикрылась липовой «историей болезни», сфабрикованной знакомым главврачом туберкулезного санатория накануне его эвакуации, и не устроилась переводчицей в какое-нибудь из германских учреждений. Тогда Мария Казанцева, дочь штабс-капитана царской армии и воентехника 2-го ранга Красной армии Казанцева, сгинувшего в молохе 37-го года, наверняка смогла бы приносить больше пользы для советской... а главное, русской разведки: добывать больше сведений. Пожалела, когда бывший сослуживец отца, поспешно возвращённый из лагерей, бывший комкор Литвинов передал ей на словах через связного: «Надо постоять за Отчизну, Казанок...»

«Казанок-Казаночек» – так звал её только отец, так что незнакомцу, принёсшему эту весточку и пароли на случай возможного визита «своих», которым нужно будет помочь, можно было верить...

Тот, кто стучался сейчас в дребезжащее стекло оконца, был не из их числа, не из центра, поскольку этот пароль, с несуществующей тетушкой Фелицией, был как бы для «местного потребления», его Казанцева выдумала сама, припомнив довоенную соседку по саратовской коммуналке, лихо и скандально промышлявшую самогоноварением. Соседку, бывшую «классную даму» мариинского приюта для девиц обедневшего дворянства. Сейчас поминал давно покойную «благородную самогонщицу» человек совершенно незнакомый, ни голосом, ни фигурой, размытой по-летнему ярким лунным светом. Наверное, тот... или те, о ком её предупреждали...

Групповой портрет в интерьере

Кособокая дверь лавки скрипнула, как несмазанное тележное колесо, и Колька Царь увидел в полутьме, словно в погребке, озарённую жёлтым свечным светом прямую женскую фигуру безо всякого намека на старческую согбённость.

Звучно хмыкнув, Колька ступил через порог:

– Добрый вечер, хозяйка... – кивнул он, хоть и без того изрядно ссутулился ввиду близости дощатого потолка.

– Добрый... – коротко отозвалась женщина и, заглянув за плечо старшего матроса, никого там не обнаружила. – Где остальные? Пусть зайдут. Нечего на улице маячить, когда появится патруль – одному Богу...

Она не договорила. В проёме двери вдруг объявился Саша Новик со шмайсером, опущенным вниз дулом, но палец правой руки на спуске и магазин в ладони левой, – что не осталось незамеченным хозяйкой.

– Вообще-то, это мне вас опасаться надо... – бросила она через плечо, отступая в глубь лавки. – Мне вас никто не рекомендовал, а откуда вы пароль знаете...

– Честно говоря, этого я и сам вам сказать не могу, – оглядываясь в подвальной тесноте лавки, Саша вошёл внутрь. – Так что вынужден, как и вы, верить на слово.

– Ну... – пожала плечами «баба Маша», примащивая блюдце, заросшее свечным парафином, на ближайшей полке. – Можете и не верить. Дело ваше. Красноармейской книжки у меня не имеется, да и веры документам сейчас никакой...

– Это точно! – поддакнул Саша, шагнув за прилавок и отодвинув дулом автомата замызанную шторку справа от себя. – Так что мы тоже... как-то без мандата...

Где-то в глубине лавки шаркнула спичка по коробку и через минуту «баба Маша» вновь вышла к прилавку, уже озарённая золотистым маревом керосиновой «летучей мыши» в руке.

Саша замер, оставив в покое шторку, за которой, впрочем, ничего не обнаружилось, кроме обычного москательного хлама.

Колька Царь даже снял свою хулиганскую кепку с клапанами – уж больно смахивала на парадный портрет графини какой-нибудь, представшая вновь «баба Маша». Тёмные глубокие глаза, поджатые губы и вал русых волос, осевший на плечи – всё это на аристократическом полупрофиле, точно позирует странная «графиня» художнику.

– Пройдёмте, не будем привлекать внимания с улицы... – прикрыла она лампу широким рукавом с кружевной манжетой. – Это все?

Саша будто не сразу расслышал последний вопрос, вглядываясь в бледное лицо, отмеченное рваным зигзагом.

– Почти... – очнулся он наконец и, отступив назад, выглянул наружу.

Коротко свистнул. В лавку с проворностью летучих мышей проникли ещё несколько теней, материализовавшись в радистку Асю Привалову и её помощника с угловатым «сидо-

ром» рации за спиной, артиллериста старшего сержанта Каверзева, и ещё двух морпехов из состава разведотряда. Все – в гражданском. Но само по себе такое скопление публики мобилизационного возраста было, на посторонний взгляд, подозрительней некуда...

Косясь через плечо на хозяйку лавки – а та, вздёрнув тонкую бровь, с лёгким недоумением рассматривала конопатую Асю – Новик взглядом остановил последнего морпеха, старого знакомого Кулика.

Тот, понятно кивнув, растворился в темноте подворотни напротив. Бережёного, как известно, Бог бережёт, невзирая на вероисповедание...

– Пойдёмте... – скрипнула задней дверцей, пригибаясь, хозяйка и исчезла в фиолетовой, как чернила, лунной тени двора.

Невзрачная с улицы лавчонка спустя несколько шагов по крытой террасе перерастала в довольно просторную, комнаты в три, квартиру.

«Графиня», как переименовал для себя «бабу Машу», менее всего на «бабу» похожую, Колька Царь, провела их тёмным коридором в большую из них, должно быть столовую. Посредине стоял круглый обеденный стол на гнутых ножках, за ним отблескивал рифлёнными стеклами громоздкий буфет.

– Хотите чаю? – с равнодушным «церемониальным» гостеприимством предложила хозяйка и, не дождавшись запоздалого «Отчего бы и нет?» Новика, вышла на кухню.

Послышался частый стук поршня, и к золотистому свету керосиновой лампы добавилось бледное голубое зарево, свет огня керогаза из дверного проёма.

– Итак? – вернувшись и поставив вазу с яблоками на стол, спросила «графиня», точно приступая к экзаменам.

Подумав немного, Саша Новик встал:

– Командир 1-ой разведгруппы 2-го разведотряда штаба флота старший лейтенант Новик, – представился он и коротко кивнул, будучи «не по форме».

– Старший лейтенант НКВД? – неприязненно уточнил чей-то голос из-за спины. – То есть не краснофлотский, а краснопёрый, прошу прощения... Товарищ старший лейтенант?

Голос Новик не понравился. Было в нем что-то развязное, с блатным душком, знакомым с курсантской поры, когда караульную службу курсанты школы НКВД несли в ведомственной тюрьме.

Саша внимательно посмотрел на хозяйку, словно надеясь увидеть в чёрных агатах зрачков, что ждёт его позади, за спиной.

– Допустим... – наконец проворчал Новик и, обернувшись, наткнулся взглядом на дуло ПППШ в дырчатом кожухе, наведённое на него с ремня, переброшенного через плечо в чёрном бушлате.

– А ты кто таков, морячок? – хладнокровно поинтересовался у обладателя автомата старший лейтенант и демонстративно опустился на стул.

– Командир особой роты 7-й бригады морской пехоты лейтенант Войткевич, – ответил вместо автоматчика такой же, до тридцати, как и Новик, парень в армейской гимнастёрке с распахнутым воротом, в котором проглядывала чёрная, морских пехотинцев, тельняшка.

Говорил и до этого, судя по голосу, он.

Объединённый штаб партизанского командования. Батуми.

Запись со слов

Войткевич Яков Осипович (Иосифович?), 1915 г. рожд. (?), Одесса (?) Женат, жена София и дочь Валентина в эвакуации.

Призван Калининским военным комиссариатом г. Киева 21.06.1941 г. в звании лейтенанта. Ранее исполнял обязанности директора Ровенского пищекомбината. Уволен в связи

с призывом. (?) Службу проходил в составе 156-й стрелковой дивизии, участвовал в боях. Награждён (?) орденом Красной Звезды.

Прим.: наградные документы утеряны.

Присвоено очередное звание старший лейтенант 15.08.1941 г., назначен командиром разведывательной роты 15.08.1941 г...

Глава 7

Вот с этим я пришёл...

Октябрь 1939 г. Ровно

– Где ты так по-немецки насобачился? – спросил у Войткевича новый, но, похоже, перспективный его ровенский товарищ Йося Остатнигрош, когда геррен офицерен в штатском, в сопровождении двух товарищей офицеров, тоже в штатском, но с густопсовым чекистским духом, укатили за ворота пищекомбината.

– Внечувственно превзошёл, – каким-то извивистым книжным оборотом ответил Яша и хмыкнул: – А ты своего польского, понимаю так, от соседей набрался?

Новоназначенный – всего пятый день как – «красный директор» Яша Войткевич и его зав. производством, местный как минимум в пятом поколении, плотный, как сбитый, смуглый и чрезвычайно волосатый Иосиф Остатнигрош прошли по хоздвору комбината. Яков, прежде чем подняться на второй этаж, в контору, потрепал по загривку страхолюдного цепного пса Гавлица, который по ночам в одиночку успешно заменял полдюжины сторожей и подпускал к себе прежде только двух штатных кормильцев, – а вот теперь, с первой минуты знакомства, ещё и Войткевича.

По дороге Йося, подвижный, чуть ли не вопреки своей инвалидности и комплекции, жестами и мимикой изобразил нечто чрезвычайное и отвратительное, а словами усугубил:

– Я их, пшеков, терпеть ненавижу.

А затем, видимо, от полноты чувств, перешёл на идиш и вкратце описал, как с этими пшеками трудно было не только порядочному еврею, но и местным полищукам, не только сельским кугутам, но и вполне приличным горожанам, которых пшеки, даже прислуживая им, всё равно, кроме как за «быдло», и не считали.

– Но языка всё-таки ты набрался, – вставил Яша. – И говори, кстати, по-русски. Идиш понимаю, но не люблю. Да и с людьми как-то неудобно...

Украинский, даже в местном, ровенском варианте, Яков Войткевич тоже понимал, разве что за исключением немногих диалектизмов и полонизмов, и не только в силу замечательной способности к языкам: в родной его Одессе, на самом деле, украинский звучал чаще, чем идиш и не намного реже, чем русский. Понимал, но пока что не разговаривал и не особо свою понятливость афишировал.

...– А шо с людьми? – удивился Остатнигрош. – Они таки по-русски не очень петрят, здесь это не сильно так водилось. Хотя, когда при Александре и его сыночке – кстати, ты таки Расскажи мне, почему его *ваши*, ну которые теперь *наши*, называют «кровавым» – здесь войско стояло, так всё панство и жупанство ещё и как расейской щебетало.

– Ты давай о чём-то одном, – порекомендовал Войткевич. – А то у меня от тебя голова кружится, всё с пятого на десятое скачешь.

– Ай, пан директор, вы бы про свою голову не сильно жаловались, я вот пятый день на вас смотрю и всё удивляюсь – или это у вас в Одессе что-то сильно большое сдохло, что такие люди косяками пошли, то ли все Войткевичи от природы такие, что даже промеж *наших* как на поглядку. И то сказать – даже Гавлиц этот, сукин сын, который пять лет меня знает, а сожрёт, как только дотянется – так он перед вами за просто так на брюхе ползает, а ведь он мандаты читать не обученный.

– Я так понимаю, – усмехнулся Яков, усаживаясь за директорский, в зелёном сукне, стол с рогатым телефонным аппаратом и бронзовой чернильницей в виде щенной борзой. – Остатнигроши пошли от корчмарей, которые клиентов *до нитки, до последнего грошика* уговаривали.

– Силком же не поили, – расплылся от удовольствия Йося. – А прозвище таки прицепилось. Так прапрадеда и записали, когда реестровые книги вводили. Родовая фамилия была как, не к ночи будь помянутым, у...

– И не поминай, – поспешно и неожиданно резко сказал Яков Осипович (откуда он её знал, Йосе сообщать было совсем ни к чему). – И вообще, давай по делу...

О причинах такой резкости в Ровно могли догадаться, кроме самого Якова ещё всего трое. Один – в обкоме и двое – в ГУ НКВД, те, кто по долгу службы весьма глубоко были посвящены в задание и детали биографии Войткевича, в известном смысле совсем не случайно назначенного «красным директором» в край, где только что была восстановлена историческая справедливость и сбылись вековые чаяния украинского народа на единство нации. Так, во всяком случае, говорили «красные» идеологи, а *особое мнение* здешних жовтоблакитных ещё только формировалось, точно так же, как только-только начинали собираться первые боевые группы под хоругвь местного вожака с гордым именем Тарас Бульба (на самом деле звали его Василий Боровец).

Всего двое во вновь сформированном Ровенском горуправлении НКВД знали, что родовая фамилия «красного директора» – вовсе не Войткевич и что задачи его в Ровно не ограничиваются руководством пищекомбинатом, владелец которого сбежал на свою историческую родину, в Великопольшу, почему-то полагая, что немецкий оккупационный режим окажется благоприятней, чем советский освободительный.

Под этой взятой Яшкой-шпанёнком у воспитателя-родственника фамилией он и в макаренковскую колонию попал, и срочную служил, и в институте учился, и даже в кандидаты в члены ВКП (б) вступил, хотя там биографии чуть ли не под микроскопом проверяли. Не было это фамилией матери, которая в разгар интервенции, равно как и многочисленных смен власти в Одессе, вдруг решила, что немец-управляющий Иозеф Карлович, который сманил её семь лет назад из правоверно-еврейского родительского гнезда, не лучший отец для Яши и всех, вероятно, последующих в будущем, детей. Не было это и фамилией отцовской. Правда, ничего такого, по большому счёту, предосудительного в смене фамилии, а также в отдалении от своих родителей, по мнению проверяющих, не было. Тем более что мать и новый её муж были всего-то врачами (и как позже выяснилось – хорошими; на отчима, полевого, затем госпитального хирурга, в войну вообще молились стройные батальоны спасённых раненых), а до параноидального гонения на врачей-убийц и безродных космополитов оставалась целая вечность. Ещё лучше обстояли дела с кровным отцом – тот ушёл в РККА на не последнюю должность, служил успешно, не попал, хоть и немец по крови, ни под ежовские, ни под бериевские чистки, и наконец в 1939 году оказался начфином срочно воссоздаваемого Владимир-Волынского укрепрайона...

...Обсуждать директору и зав. производством было что: от мелочей, текущего ремонта в копильне, который надо произвести в ночную смену, чтобы не сорвать план, до вопросов с сырьём и закупки угля. Йося Остатнигрош по каким-то местным приметам прознал, что грядущая уже скоро зима с 39 на 40-й год будет холодной, а посему надо закупить угля побольше. Войткевич не спорил, спор был только насчёт того, где брать уголь – по старым, «пшепольским» связям у соседей-волынян, или по новым, советским, на Донбассе.

...Но слишком вдаваться в биографические подробности, даже при подаче заявления в самый передовой отряд рабочих и крестьян, Яше Войткевичу не порекомендовали. Специальные товарищи не порекомендовали, те самые, которые приняли в Одессе эстафету знакомства и *работы* с Войткевичем от особистов армейских, ещё с Забайкалья.

Очень как-то «глянулся» им Яков. И не только знанием немецкого языка, *родного* – почти до пяти лет Яшенька воспитывался в немецко-еврейской семье, где говорили чаще по-немецки, чем по-русски, но и особым складом личности. Было нечто такое в этом отчаянном, скором на язык и на затрещину парне, картёжнике, гуляке, чрезвычайно физически сильном атлете и снайпере, что привлекло внимание «краснопёрых». Внимание, которое наверняка обернулось бы лагерями или пулей в затылок, будь Яша постарше и в каком-то более солидном звании-положении. А вот для рядового бойца срочной службы РККА, затем – прилежного слушателя командирских курсов, обернулось это внимание кое-чем другим.

Впрочем, начиналось это не в самую расстрельную пору, а в тридцать пятом. Тогда среди особистов воинских частей, расквартированных в зоне близости с Маньчжурией, читай – Японией, хватало настоящих профессионалов, питомцев Берзина, с обострённым чутьём перспективы. И в Одесском ГУ НКВД, куда армейские особисты «передали» перспективного Войткевича, тогда ещё работали-дорабатывали последние годы все как один вскорости расстрелянные, при Ежове, – мастера. И «старики», которым хватило и чутья, и ловкости переживать до того времени все извивы политики и даже не слишком увлечься словом и делом Лёвы Бронштейна, и молодые, выкормыши Артузова, Серебрянского и прочей блестящей чекистской команды.

Войткевича завербовали, но как бы «втёмную». От него не требовали до поры до времени ничего, тем более – «стучать» на своих соучеников или, прости господи, партнёров по футбольной команде. Не особо бдили за «чистотой» его связей и моральным обликом, позволяя гулять и делать всё, что положено делать отвязному студенту-одесситу двадцати с небольшим лет. Чекисты справедливо полагали, что те, кто заинтересуется Войткевичем с «враждебными» целями, непременно постараются разузнать как можно больше о его прошлом; а раз так, то чем «хуже», с коммуно-моральной точки зрения, он себя ведёт, тем лучше для дела. Даже доносы на него, которые с конца 36-го посыпались от бдительно-перепуганных, а то и арестованных уже сограждан, пачками – отправляли в глубокий архив.

Потребовали от Якова только одно – впрочем, даже не столько потребовали, а порекомендовали – подать заявление в эту самую «ум, честь и совесть». С определённым, но самому Войткевичу ещё не названным прицелом.

Беспартийным или хотя бы не комсомольцам поручать серьёзные задания не полагалось.

...Чуть позже производственное совещание пришлось прервать. Точнее, изменить его формат. Пришло время органолептического контроля качества продукции первой смены. Ассортимент был достаточно разнообразным: шесть сортов колбасы, говяжий балык, ветчина, два сорта мягкого сыра, творог и полдюжины видов овощных консервов и компотов. Всё это полагалось попробовать по чуть-чуть, проанализировать, обсудить результаты с технологами и сделать соответствующие записи в цеховых журналах. Запивать полагалось пивом, тоже в порядке дегустации – оба маленьких городских пивзаводика, в отличие от большого Здолбуновского, входили в сферу управления пищекомбината – но Войткевич передоверил эту миссию Йосе. Не складывалось у Яши-одессита с пивом.

...О том, что надо на самом деле совершить для блага Родины и Партии, Войткевич узнал только в Ровно в конце первой недели после весьма неожиданного и престижного назначения. Как-то вечером без предупреждения к нему в только что выделенную квартиру, ещё с чужой мебелью и чужими пруссаками, приехал начальник ОУ НКВД, так и не назвавшийся по имени, и начальник отдела, капитан госбезопасности Алексей Трофимович. С «ужимками и прыжками», с недомолвками и эвфемизмами *специальные товарищи* ему и объяснили, что молодому коммунисту надо не только и не столько держать глаза и уши открытыми в процессе внедрения социалистических методов хозяйствования в гниющую буржуазно-капиталисти-

ческую экономику, сколько зарекомендовать себя человеком свободных взглядов, которому ничто человеческое отнюдь не чуждо. А затем, по мере проявления интереса со стороны вражьей агентуры, которой здесь наверняка полным-полно развелось за время польской оккупации, поддаться на вербовку, проникнуть в разведывательную сеть врага, эту всю братию выявить и с помощью *специальных товарищей* истребить.

...– Ну что, пойдём в футбол гонять? – спросил наконец Яков.

– Нет, если я скажу: «Не ходите, Яков Осипович, на Замковый луг», – вы так, конечно, решите, это потому, что Йосиной ногой (и Остатнигрош постучал для убедительности по своему скрипучему протезу «з самого Краковья») черти давно уже в футбол гоняют. А я так скажу: не ходите, потому как пану директору без порток бегать не к лицу. Надо благородно играть в преферанс, и я давно хочу познакомить пана с Софочкой.

– Так я не понял, – вроде бы совсем серьёзно поинтересовался Войткевич. – В преферанс или к Софочке?

– Я на вас удивляюсь, Яков Осипович, – со скрипом поднялся с дивана, обитого «чёртовой кожей», Остатнигрош. – Враги преферанса – это шум, скатерть и жена. А в доме тихо, скатерть реквизировали для стола президиума, а Софочка только мечтает про ваши усы на её шейке и будет молча подавать на стол и кофе, и что там ещё положено...

...Первый осторожный вербовочный подход к Войткевичу состоялся именно в тот вечер, прямо за удачно (как, впрочем, почти всегда у Якова) складывающейся пулькой.

Нет, в поддавки против него никто не играл, но, по крайней мере, два мизера из пяти удачно сыгранных им были «ловленными». Во всяком случае, сам Войткевич, если бы так разложилась карта у противника, выстроил бы ему «паровозик» минимум на три взятки.

Йосю, игрока никудышного, на правах хозяина просторной двухкомнатной квартиры – третьей части апартаментов беглого поляка-адвоката на углу Калинина и «17-го сентября» (бывших улиц Рейтарской и Пилсудского), – в партию не взяли: и квартет без него складывался, и пожалели бедного еврея. Игра шла нешуточная и преферансных дел мастера за столом собрались преизрядные, а за вист поставили по гривеннику – для начала, то есть при скромной зарплате Остатнигроша неизбежный его проигрыш вылился бы в болезненную сумму. Софочка, неопределённо далёкая Йосина родственница, но определённо хорошенькая миниатюрная смуглянка, вела себя крайне прилично, чтобы не сказать церемонно, вот только смущённо краснела, встречаясь взглядом с Яковом (которого, кстати, Остатнигрош представил всем, кроме неё). Короче, мужскому разговору – а он, как известно, важнейшая составляющая вечернего преферанса – совершенно не мешала. Ни шума, ни скатерти тоже не было, кофе и микроскопические штрудели Софочкиного приготовления сделали бы честь любой венской кавьярне, и разговоры шли уважительные и весёлые. В том числе и о Вене, и о том, что теперь, в силу новых и, по большому счёту, естественных отношений между Союзом и рейхом, станет значительно проще обмениваться опытом, ездить друг к другу. А молодой пан директор, который, кстати, произвёл прекрасное впечатление на германских гостей, наверняка смог бы почерпнуть в рейхе производственные новинки, тем более что с языком у него проблем нет. И вообще, смог бы составить себе реальное представление о жизни новой Германии. А то ведь, увы, за прошлое десятилетие нагородили столько выдумок в советской, не говоря уже о польской, прессе...

Через три дня собрались у Роберта Шиманского, инженера местной энергослужбы, того самого, который расхваливал производственные успехи, зланные места и достопримечательности Вены. Йося Остатнигрош тоже был в числе приглашённых, но ему как признанному кулинару была поручена ответственная миссия приготовить карпа по-мадьярски, то есть с кучей лука, специй, выгибонов и церемоний, – так что на пару часов он был для общества, что

называется, пропащим. Утешением служила ему расторопная и весьма эффектная блондинка Ирма, зачем-то, но, как оказалось, кстати, пришедшая в гости к тишайшей Маше Шиманской. И, конечно же, утешали совершенно искренние комплименты всех, когда они карпа отведали. Рыбка и впрямь получилась на славу, а поскольку предстоял выходной и не предвиделось ранней побудки, то закономерно хлопнула пара пробок.

И так, между картами, рюмками, исходящей паром и соком рыбой и лукавой переглядкой с Ирмой оказалось, что пан Роберт знает о происхождении Якоба Иозефовича куда как больше, чем его коллега Остатнигрош; «и вообще, геноссе, вы больше *наш*, чем (брезгливый кивок в сторону раскрасневшегося Йоси) *их*».

Ноябрь 1939 г. Ровно

К великому большевистскому празднику 7 ноября, который впервые отмечался на «воссоединённых» землях, ещё похолодало и посыпал негустой, крупными хлопьями снег. Впрочем, к особенностям местной погоды Войткевич особо не присматривался: у всех служб области и всех партийцев хватало предпраздничных забот. Торжества проводились, что называется, по полной программе: тут тебе и военный парад (а на трибуне, среди почётных гостей – и германская делегация), и многолюдная демонстрация трудящихся, и митинг со всенародным утверждением приветственного послания ЦК и лично товарищу Сталину (конечно же, на особом коммун-языке, которого честно не понимали три четверти здешнего «народа»), и приём (названный партхозактивом), и концерт, и банкет.

А для всего этого требовалось – сами понимаете, что; а конкретно требовалось от директора пищекомбината перевыполнение мыслимых и немыслимых планов для обеспечения праздничных столов не столько собственно народа, сколько лучших его представителей. Ну и, конечно, беззаветных слуг то ли народа, то ли этих представителей – короче, *специальных товарищей*. Пришлось на целых две недели отложить в сторону самые драгоценные занятия: читать немецкие и польские, и русские дореволюционные книги, оставшиеся по наследству от предыдущего владельца квартиры, и слушать мощный «телефункен», который ловил всю Европу.

Когда пищекомбинат и лично товарищ Войткевич оказались положительно отмеченными, пусть и *в том числе*, но на высоком уровне, Яша заслуженно и совершенно добросовестно сорвался в недельный загул.

Что происходило во время этого загула, Яков помнил смутно. Какими-то яркими, но разрознёнными картинками, которые ещё к тому же имели тенденцию накладываться друг на друга. Накладывался, по-видимому, и сам Яша тоже, вот только объект под ним, счастливо повизгивая, всё время двоился – то миниатюрная смуглянка, то стройная блондинка – и обе они с некоторым удивлением, но разной эмоциональной окраской отмечали, что брит-мила у него так и не состоялась. Были и какие-то разговоры с разными людьми и на разных языках, и в диапазоне от Ницше до нищих, от Оперы до оперов, от идолов до идеологов, от фареров до фюреров, от дел до тел – и так чуть ли не до янки и портянки. А ещё совершенно явственно, хотя без начала и без окончания, высвечивалась сцена с попыткой гоп-стопа со стороны какой-то местной шпаны, и сиё никак не относилось к фантазиям, поскольку ссаженные костомахи и «трофейный» браунинг в кармане кожанки Войткевича – сёчь надо было, дешёвки, на кого мазу тянете – были вполне реальны.

А раз так, то ни к фантазиям, ни к алкогольному бреду нельзя было причислить и серьёзный разговор, состоявшийся на излёте запоя. Разговор, начатый у невесть как оказавшегося собутыльником Роберта Шиманского, а продолженный – на чистом немецком – с Карлом Бреннером, почётным гостем, благополучно ускользнувшим от бдительности *специальных товарищей*.

Да что там фантазии! Яков не сомневался, что всё сказанное им и ему подробно фиксировалось и что самого его фотографировали. И в дружественном обществе штурмбанфюрера, хоть и пребывающего в штатском, Карла Йозефа Бреннера, фотографировали. Просто-таки в обнимку, потому как – вспоминал Яков – разговор тогда зашёл о Венской опере и вообще об опере, горячей любви обоих. И чуть ранее – фотографировали в ещё более дружественном обществе Ирмы, пребывающей не только без знаков различия, но и без всяких атрибутов мундира и того, что положено носить под ним. Превосходного качества – хоть из-под полы продавай любителям «клубнички» – фотографии показали ему вроде так ненавязчиво, а ещё – предъявили небольшую, но убийственную пачку стенограмм...

Так что геррен официерен не пришлось долго объяснять, чем это всё чревато для молодого большевика на ответственном посту, если тот вдруг не захочет понять глубинную близость своих и национал-социалистических идеалов и необходимость дальнейшего сотрудничества.

Войткевич понял.

Штурмбанфюрер, дирижируя тросточкой, сообщил ему агентурную кличку (Spiller, Игрок) и заставил вызубрить несколько рун, похожих на птичьи следы, и порядок их использования для связи и опознания.

...И правильно понял его, чуть позже, энкавэдэшный капитан, один из двух чекистов, которые в своё время напутствовали Якова Осиповича.

Только Йося Остатнигрош долго – ещё целый месяц – не хотел понимать, почему это пан директор не торопится жениться на Софочке, которая не только отдала Войткевичу всю девичью драгоценность, но и определённо намерена не далее чем грядущим летом продолжить его славный род.

Пришлось жениться, пока перемены в Софочкиной комплекции не стали слишком бросаться в глаза.

Декабрь 1939 – март 1940 гг. Ровно

Зима и в самом деле накатила холодная (хотя, конечно, не настолько, как на Карельском перешейке) и отменно снежная. Пищекомбинат, благодаря солидным запасам бурого волинского угля, от холода не страдал, трудности были только с транспортом: дороги едва успевали укатывать, и перебои с сырьём досаждали не раз. Выручали железнодорожники – до большой узловой станции в Здолбунове было всего-то пятнадцать вёрст, а Ковельская железная дорога проходила чуть ли не через всю область; и вдобавок бесперебойно работали узкоколейки до Сарн, Оржева и Костополя.

Софочка оказалась чистюлей, хозяйкой и вообще прекрасной женой, разве что излишне влюблённой и посему ревнивой. А ревновать было к чему и к кому. Пристрастился южанин Войткевич к лыжам. Точнее, к лыжным прогулкам в обществе белокурой Ирмы, оказавшейся (чего Софочка, естественно, не знала) основным его связником с разведывательной сетью. Номинально – с германской, но на самом деле, как достаточно быстро понял Войткевич, с многослойной.

Все «прогулки», совершаемые с ведома НКВД, безукоризненно легендировались и документировались непосредственно служебными мандатами и путёвками: пищекомбинату и в самом деле нужно было изыскивать новые возможности поставки сырья. И с кем только ни приходилось общаться!

Встречались им солидные, степенные, седоусые воляняки, в том числе завербованные ещё в австрийском плену в Империалистическую.

Заглядывали «командированные лыжники» в аккуратные и, как по шаблону, заполненные домашним кружевом дома слегка обрусевших чехов, которых в местечках оказалось не так уж мало. И среди этой малости – агенты чехословацкой разведки, плавно перешедшие под

крыло СА. Немногочисленные, кстати, и только из разведки «политической», потому что весь персонал военной разведки со всей документацией 2-го отдела Генштаба и списками агентуры до оккупации успел перебраться в Лондон.

Были здесь и остатки польской агентуры. Но с этими разговаривать приходилось «втёмную», от имени польской разведки, на самом деле – частично уничтоженной, а частично ушедшей в эмиграцию и подполье.

Кстати, от поляков услышал Войткевич первые правдивые, а потому – особенно жуткие рассказы о том, что происходит там, за рекой, в германской зоне оккупации. Этого он не узнал ни от своих энкавэдэшных наставников, ни во время новогодней поездки по обмену опытом в Австрию и Германию, организованной «Комиссией по экономическому сотрудничеству» в развитие Московского договора. Поездки, насыщенной интересными показами оборудования (не только для пищевкусового производства), переговорами и визитами в оперу, где Яков неизменно встречался с истым, похлеще его самого, меломаном Карлом Бреннером. Поездки, во время которой его обласкали, подчёркнуто именуя «фольксдойче» и не слишком акцентируя расовый мезальянс и его происхождения, и брака. И весьма солидно «подогрели» материально, так что опись переданного и подаренного, составленная по возвращении Войткевичем (оперативная кличка Везунок) для НКВД, занимала целую страницу.

«Прогулки» эти – их собственно лыжная часть была невелика, добирались обычно или на комбинатской «эмке» с цепями на задних колёсах, или в пассажирском вагоне узкоколейки, а затем лишь вставали на лыжи – были не так уж безопасны не только с точки зрения семейного благополучия. Несколько раз им пришлось отстреливаться от небольших и кое-как вооруженных бандгрупп. То перекрывали дорогу, то пытались догнать в паре вёрст от очередного села. Но «лыжники» были настороже, да и оружие было у обоих: у Якова – положенное по должности, у Ирмы же, по бумагам числившейся его начснабом – нелегальное, но никто её не обыскивал. А стреляли они оба почти одинаково метко, так что достаточно было два-три раза гавкнуть нагану Войкевича и тьякнуть браунингу Ирмы, как со стонами и «прокльонами» разбойники или бульбаши ушивались, неизменно оставляя капли крови на снегу. Но к весне 40-го попытки нападения почти прекратились, несмотря на то что забирались «командированные лыжники» во всё более легендарно глухие места вроде крепкого села с говорящим названием «Вовковья» посреди лишь к февралю подмёрзших болот, или небогатого села Выплясункова, во времена оны подаренного то ли Потоцким, то ли Чарторыйским обожаемой им балерине. Оттого и «Выплясунково» – выплясала, вытанцевала. Отстреливаться им ещё пришлось всего-то раза четыре, и лишь от волков настоящих, серых, на четырёх лапах и с толстыми хвостами.

С двуногими же всё обстояло иначе. Всю холодную снежную зиму на «освобождённой и воссоединённой» земле шла чистка, и к весне край замер, оцепенел.

Брали по доносам и внешним признакам, по национальности и образовательному принципу, по наветам и просто так, за компанию и для выполнения плана.

Брали зажиточных и умелых за то, что они умелые и зажиточные.

Брали тех, кто вдумчиво расспрашивал о преимуществах колхозного строя – за то, что слишком умные.

Брали тех, кто не понимал, почему надо отдавать своё кровное в общий котёл, из которого и похлебать не придётся – да ещё и благодарить за это. Их – за тупоумие.

Бывших харцеров – за харцерство, бывших пластунов – за пластуństwo.

Брали членов компартии Западной Украины, КПЗУ, чтоб не задирали нос, и кружковцев «Просвиты», чтоб не сомневались, что лучшие украинские писатели уже назначены Советской властью...

Некоторым полякам, правда, разрешали выехать без гроша за пазухой в оккупированную дружественным вермахтом Польшу, чехам и словакам – соответственно в протектораты Боме-

мии и Моравии, а немногим всё осознавшим и ни в чём не замешанным, а порою и давшим *подписку о сотрудничестве*, евреям – в Палестину.

«Титульным» же украинцам, счастливым, которым не поставили свинцовую примочку в Корце, Костополе, Остроге или Дубно, предстоял долгий благодатный путь на бескрайние сибирские просторы.

Встречали «командированные лыжники» конные и моторизованные («эмка» и тентованная полуторка с бойцами, звенящие цепями, и неизменно «воронок») команды энкавэдэшников.

Встречали пешие колонны и угрюмые вереницы саней и телег с будущими покорителями сибирской глубинки.

Видели и разорённые или сожжённые подворья и целые хутора.

И не слишком уже удивлялся Войткевич, что раз от разу всё труднее становилось логически объяснять селянам необходимость и преимущества сотрудничества с сов. структурой (то есть по основной своей работе), хотя речь шла о всего-навсего поставках сельхозпродукции – и всё легче оказывалось «расконсервировать» неважно чьего агента и получить все необходимые несоветской структуре сведения.

А то и завербовать...

Весна-лето 1940 г. Ровно

Весною нарисованные мелком на филёнке парадной двери руны «ос» и «ман», вызов от Ирмы, появлялись нечасто. Иначе говоря, загородные поездки стали происходить реже. Не только потому, что их так болезненно воспринимала трогательная в своей стыдливой неуклюжести Софочка, но главным образом потому, что агентурная сеть была в основном восстановлена, исследована и выявлена, а сам Войткевич, похоже, стал пользоваться безоговорочным доверием германских друзей. Во всяком случае, он, встречаясь и со связником, и с Шиманским, и, наконец, с самим герром Бреннером, вполне легально посещающим объекты ЗапВО, без особого напряжения уловил новые веяния в их разговорах и наставлениях.

Как раз к тому времени, когда представил в НКВД очередную схему расстановки вражеской агентуры, на этот раз в Дубно, и скромно поинтересовался, когда и в какой последовательности будут произведены аресты.

Ответ Алексея Трофимовича его не сильно порадовал.

И потому, что порекомендовал энкавэдэшник не совать нос в волеизъявление Партии – мол, когда надо будет, тебе, возможно, скажут, или сам увидишь. И потому, что почувствовал Яков досаду и напряжённость в ответе заметно осунувшегося куратора – будто не о самом важном деле контрразведки шла речь, а о чём-то не очень актуальном, несвоевременном; да и словно сомневался товарищ капитан в том, насколько можно доверять этому Войткевичу – и можно ли доверять вообще.

Но куда больше огорчила Войткевича последующая реплика, сказанная как бы в сердцах – и оттого, наверное, искренняя. Дословно запоминать её Войткевич не стал – к тому времени у него, бывшего беспризорника и одесского уркагана, прошедшего макаренковскую колонию и воинскую службу у чёрта на куличках, выработалось стойкое отвращение к мату. А смысл был такой, что вот время это – непонятно какое, всяких и всяческих *внутренних* врагов изничтожать не успеваем, да ещё и ждём, что со дня на день самих нас изничтожат.

Прозвенел звоночек у Якова Осиповича в голове.

Затих Войткевич на какое-то время, без особого напряжения поддерживая уже хорошо налаженную работу комбината; ко *всему прочему* больше прислушивался и приглядывался, но не проявлял рвения и не выказывал инициативы, и даже чрезмерной заинтересованности.

Опять много читал и крутил вечерами «Телефункен»... А там и Софочка в срок и благополучно разродилась крепенькой девочкой с волосиками цвета ранней морковки. Из ниоткуда вдруг появились двое премудрых тётушек и принялись их всех учить, как нельзя с маленьким ребенком; Войткевич их, конечно, через неделю выставил и привёл необразованную, но добросовестную няню из лемкивок. И теперь, к неописуемому счастью Софочки, гораздо чаще бывал дома, чем в командировках, или за ломберным столом, или на футболе. Приносил из кондитерского цеха всякие вкусности; бывало, что кормил жену с рук и вместе они слушали, как в детской гукает Валюша и поёт попеременно лемкивские, словацкие и польские колыбельные няня Маша.

Затих Яков Осипович – и всё присматривался. Думал.

Как-то не сразу понял он, к чему это немцам такая разветвлённая разведсеть. Нет, кое-что было совершенно понятно. Например, по количеству, маршрутизации и, насколько удавалось узнать, составу грузов, идущих по Ковельской железной дороге через большой Здолбуновский узел, можно было составить сносное представление о масштабах, темпах и ходе строительства укреплений в приграничной зоне. Дополняли эти сведения данные с цементных заводов и базальтового карьера в Яновой Долине, лесокombинатов и деревообделочных фабрик в Клевани, Сарнах и Костополе, сообщения от агентов в деревнях и поселках у шоссе-ных дорог, ну и прямые наблюдения. И дополнительные адреса, и всё возрастающие объёмы поставок продовольствия. Но в большинстве случаев агенты разведсетей давали не то что дублирующую, а буквально пяти-, а то и шестикратно повторённую информацию – и как правило, только лишь о том, что без особого труда можно было вычитать в областной газете с гордым названием «Червоный прапор». А то, что по сверхбдительности цензоров или же по нерасторопности корреспондентов не попадало на газетную полосу, неукоснительно сообщали двое агентов в областном статуправлении.

Потом, когда прохладный август начал плавно перетекать в тёплый сентябрь, понял. Им нужен был не один и не два агента на узловой станции, а больше, как можно больше. Для того чтобы в день X заставить станцию, пусть ненадолго, работать так, как надо абверу. И чтобы организовать диверсии – или же помешать взорвать пути и оборудование при отступлении РККА. И то же самое на всех коммунальных предприятиях: когда *надо* – отключить или включить; возможно – взорвать, а возможно – напротив, воспрепятствовать разрушению. Пусть послужат новым хозяевам. То же самое касалось и связи. Нет нужды рвать в десятках мест провода, если можно захватить узлы – и передавать только то, что нужно. И некоторые мосты надо взорвать, чтобы задержать выдвижение частей, чтобы войска сбились в кучу, в идеальный объект для штурмовки и бомбометания. А некоторые – сохранить, спасти от подрыва, чтобы танки беспрепятственно катили на восток...

Разведки смежных стран всегда работают друг против друга. Вот только стратегия и тактика этой работы сильно различаются в зависимости от политической составляющей, или – отношений между соседями.

Такой размах и такая направленность работы немцев могла означать только одно: они готовят нападение и уверены, что весьма скоро смогут оккупировать, по крайней мере, западные области Украины и, можно предположить, Белоруссии.

Зима 1941 г. Ровно

– Слушай, Войткевич, ты соображаешь, что несёшь?

Голос капитана госбезопасности был непривычным. Без жёсткости, без всегдашних высокомерия и самоуверенности посвящённого в некие тайны, недоступные простым смертным. И выглядел он паршиво: красные, воспалённые глаза, землистый оттенок лица, какая-то дряблость. Даже кисти рук с застарелыми ссадинами на косточках чуточку подрагивали.

– Алексей Трофимович, – сказал Войткевич как можно мягче. – Не обдумав всё как следует, я бы вас из Управления не вытащил.

– То, что вытащил – это правильно, – мрачно кивнул капитан и размял, не закуривая, папиросу. – В Управлении нашем и стены имеют уши. Неровён час, услышал бы кто, как ты оспариваешь *мудрые решения* – и к стенке поставили бы прежде, чем в твоём спецзадании разобрались.

«Ты бы меня и поставил, – подумал Яков Осипович. – Упреждая, так сказать, возможную прослушку».

Но вслух сказал только:

– Ничего я не оспариваю. Если вам так больше нравится, думайте, что эти *мудрые решения* доведены до масс и до вас затем, чтобы не сорвать нашу подготовку к войне и не спугнуть противника. А всё, что надо, там, в Кремле, уже давно поняли. Вот только никакой мудрости не хватит им, чтобы понять, что в одной дальней-далёкой области назрел момент обезвредить вражью агентуру, а то вся подготовка пшиком пойдёт.

Для конспиративной встречи куратора с оказавшимся самым ценным агентом забираться далеко не требовалось. Встретились, по договорённости, на восточной окраине города, так называемом Грабнике, на старом христианском кладбище.

Листья на деревьях и кустах давно облетели, могилы присыпало пушистым снегом; видно было всё вокруг – от западных ворот, где прикорнула к стене пустой (обезлюделой чекистскими стараниями) часовенки директорская «эмка», до пролома в южной стене, за которым поблескивала синим округлым боком конфискованная у какого-то неблагонадёжного, ныне, наверное, покойника, «Татра-87». Никто не смог бы подойти незамеченным ближе чем на полторы сотни метров – а с такого расстояния не то что услышать, и разглядеть толком ничего нельзя. И всё же капитан сказал шёпотом, предварительно посмотрев по сторонам:

– Думаешь, я не докладывал?

– Думаю, что докладывали, – кивнул Войткевич. – И думаю, что слышали что-то не слишком приятное.

– Вот именно. И во второй раз выслушивать не собираюсь.

«Потому что *второй раз* может оказаться и последним», – мысленно сказал Яков за капитана госбезопасности.

– И не надо мне советовать подать рапорт *наверх*! – неожиданным фальцетом воскликнул Алексей Трофимович. – Потому что тогда меня точно шлёпнут. Ты не знаешь, что у нас творится...

– Догадываюсь, – как можно спокойнее сказал Яков. – Хотя бы по тому, что всё сотворённое здесь *органами* в последнее время – по большому счёту, во вред нашему делу.

Наверное, не стоило это говорить. У капитана даже рука дёрнулась – выхватить пистолет... Но сдержался Алексей Трофимович. И не потому, что знал: Яков Осипович тоже вооружён и реакцией обладает отменной.

– Это тебя наши закадычные враги так просветили? – не столько злым, сколько усталым голосом после паузы спросил капитан.

– Немчура-то? – хохотнул Яков. – Нет, они не теоретизируют. По крайней мере, в моём присутствии. А вот морды довольные-предовольные. И дома присматривают – где и кто апартаменты себе обустроит. Слышал краем уха, что здесь, в Ровно, даже резиденция гауляйтера Украины окажет честь расположиться.

– Слышал я тут, – вроде бы без особой связи с предыдущим, устало сказал капитан госбезопасности, – что наш Персек *самому* жаловался: подаём, мол, заявку на истребление двадцати тысяч врагов народа, а нам утверждают, только девять... Тысяч.

– Сочувствую, – после паузы отозвался Войткевич.

– Кому ты сочувствуешь, Везунок? – Спросил Алексей Трофимович, потому что реплика Войткевича могла относиться, по его разумению, минимум к трём направлениям.

Но Яков Осипович говорил о четвёртом.

– Нам сочувствую. Коммунистам.

– Эк хватил, – только и поёжился, будто ветром хлестнуло, Алексей Трофимович. – Месяц как в партию из кандидатов приняли, а уже на все высоты заглядываешь? Шею свернуть не боишься?

– Много набирается охочих до моей шеи, – невесело усмехнулся Войткевич. – И те, кто врагов множит, и сами эти враги, которые размножаются так, что и десятой доли не переловишь, и новые «друзья» закадычные, для которых «коммунистишен мит юден» – уже приговор. Вы мне скажите, Алексей Трофимович, реально – что делать будем?

– Когда, как ты думаешь, они *начнут*? – вопросом на вопрос ответил капитан.

– Думай, не думай, а по всему, что видел и слышал – скоро. Весной, наверное. Или в начале лета...

– Жаль...

– Не сам же придумал – наслушался уже от них. Да и видел много, когда по периферии мотался. И Бреннер проболтался... Не провокация – война будет.

– А ты в курсе, сколько мы силищи сюда нагоняем?

– Сила – это когда все драться и хотят, и могут. Вот с той стороны, помянёшь моё слово, так и получается. А у нас – не так... Очень уж многим сала за шкуру залили...

По лицу Алексея Трофимовича трудно было понять, удивлён ли он небывалой, не принятой в их кругу откровенностью или просто болезненно задет словами Войткевича.

– А немцы с австрияками, когда в Империалистическую здесь стояли, – продолжил Яков, – *чисток* не устраивали. Нормальные тогда оккупанты были, на идеях не свихнутые...

– Жаль, что не узнаю – прав ли ты.

Наверное, целую минуту оба молчали. Даже остановились на едва протоптанной дорожке между безымянных – снег припорошил надписи – могил.

Наконец Войткевич не выдержал, переспросил:

– Так что делать-то будем?

– О себе подумай, коммунистишен мит юден, – с непонятным ожесточением бросил Андрей Трофимович и, не прощаясь, крутнулся на каблуках и отправился к пролому.

Чуть позже побрёл к восточным воротам и Войткевич. Прошёл уже полпути и посмотрел направо.

Ни капитана. Ни его машины. Никого. Только ряды заметённых снегом могил.

20 июня 1941 г. Ровно

«Пора» – совершенно чётко прозвучало в сознании Якова. Будто неведомый, но категорически-требовательный голос раздался в предутренней тишине.

В комнате уже совсем светло – двадцатое июня, начинается летнее солнцестояние, самые длинные дни и самые короткие ночи.

Спит жена, свернувшись калачиком, спит дочка, прижав к щёчкам розовенькие кулачки. Войткевич быстро и бесшумно собрался.

Верная лемкивка Маша, тем не менее, услышала и к тому времени, как свежевыбритый Яков выбрался из ванной, подала кофе и бутерброды.

«Пора» относилось не только ко времени сборов перед дальней – не один час езды – дорогой. Пора было закончить дело, помочь в котором определённо никто уже не мог, а вот помешать – сколько угодно. И оттягивать неизбежное было просто невозможно. И так этот невероятно тихий рассвет можно было считать подарком судьбы.

Уже два месяца прошло с того дня, когда, позвонив по служебному телефону в *тот самый* отдел Управления, Войткевич напоролся на чужой и неприятный голос. И разговаривающий с кавказским акцентом оперативник тут же принялся напористо выяснять, кто это звонит, по какому делу, с какого телефона и почему это только Алексей Трофимович может помочь, если дело государственной важности.

Означать это могло только одно: Алексей Трофимович арестован, арестован внезапно для него самого – хотя давно ожидал он ареста и, возможно, готовился к нему.

Если бы прошёл простой перевод по службе, хоть с повышением, хоть по горизонтали – он бы непременно оповестил Войткевича и «передал» бы его новому куратору. Или, в самом крайнем случае какой-то сверхсрочности и тайны, вызвал бы Якова второй осведомлённый, начальник Управления, и свёл бы с новым куратором.

Вскоре после того звонка (а Войткевич, мгновенно среагировав, не назвался, не «раскололся», не дал ни одной наводки и, поскольку звонил с уединённого телефона-автомата, имел все шансы остаться неузнанным) состоялся предпраздничный актив, на котором коммунистам-активистам представили нового начальника областного управления НКВД – ничего не сказав о судьбе предыдущего.

И в президиуме областного партхозактива, тоже без объяснения причин, отсутствовал второй секретарь обкома. Тот самый, который *знал*.

Едва ли не впервые за несколько лет Яков содрогнулся от ощущения зияющей холодной пустоты вокруг незащитного тела. Пожалуй, впервые с того самого дня в Забайкалье, когда во время прочёсывания приграничной глухомани отвернул в сторону от общей цепи и оказался под прицелом нескольких винтовок хунхузов.

Такого ощущения не было ни разу во время стычек с бандитами или бульбашами, или мельниковцами – возможно, потому, что всегда было под рукой оружие. И рядом – сучка, белокурая бестия, но хладнокровная и бесстрашная сучка, к тому же отменный стрелок Ирма. И получалось, что реально силы были соизмеримы, даже если нападавших было вдвое или втрое больше.

Сейчас же оружие и взрывчатка были бесполезны: если станут брать – от Системы и от своих не отстреляться, а если пустить себе пулю в лоб, то страшно подумать, что произойдёт с женой и дочкой...

Но сразу же после актива, перед самым Первомайским праздником, на комбинат наведались двое из Управления, в том числе и седоголовый начхоз, который не по должности, а по каким-то таинственным флюидам всегда чувствовал, в какую это сторону в их ведомстве подул ветер. Наведались, как обычно перед праздниками, за вкусеньким – и понял по разговору с ним Яков Осипович, что ничего ещё не выявлено, никакой его связи с недавно разоблачёнными врагами народа, пролезшими в чекистские ряды, не найдено.

Можно вздохнуть с облегчением?

Как бы не так! Теперь он оказывался чуть ли не ключевым звеном германской разведывательной сети, раскинутой на область, и ответственным за уже произошедшую передачу «закадычным друзьям» целого массива сведений. Любой серьёзный провал в разведсети мог привести, да что там «мог», непременно приводил бы к нему – и попробуй докажи тогда *специальным товарищам*, что ты в самом деле выполнял задание партии, а не соучаствовал в преступлениях разоблачённых шпиёнов и врагов народа!

Войткевич не знал – не мог себе представить при всём том сложившемся уже у него мнении о бериевском НКВД – что его личное дело лежит в глубине стопки папочек раздела «Резерв» и, по всему, должно выползти на свет божий нескоро. Папка же «Везунок» с грифом «Сов. секретно», в которой аккуратно подшиты все его (подписанные оперативным псевдони-

мом) донесения о германской разведывательной сети, остаётся пока что и не востребованной, и даже не прочитанной. Вот так – потому что никак не могут решиться вопросы с новыми назначениями и распределением обязанностей в Управлении.

Долго это продолжаться, конечно, не могло и не продолжалось – но по причинам, которые чекисты безосновательно считали не зависящими от них.

...Элементарный инстинкт самосохранения требовал обеспечить сохранность разведсети, обезопасить себя от провалов в ней. Простейший путь – предельно затаиться, прекратить даже сбор и передачу информации. Оказалось, что это вполне совпадало с пожеланиями руководства, переданными через Ирму.

Так прошло две недели; но за это время Войткевич окончательно понял, что до наступления германских войск остаются считанные дни. Открытым текстом об этом не говорила ни Ирма, ни второй резидент, Шиманский. Ирма только передала инструкции – ему лично и четырём старшим районных ячеек, с которыми контактировал Яков, и привет «с уверенностью в скорой встрече» от Карла Бреннера. Но при этом она была такая вся воодушевлённая, в таком приподнятом настроении, с таким превосходством говорила и «холуйском» сообщении ТАСС, и о мышиной возне энкавэдэшников, что заставила бы насторожиться и куда менее внимательного человека, чем Войткевич.

И Роберт Шиманский (или, как он теперь произносил, «Шемански») отказался начисто от воскресного преферанса – не до того, мол, будет – да ещё и начал расспрашивать, завершена ли ротация отделения милиции в Яновой Долине. Мол, если там уже все милиционеры *наши*, он подастся на недельку туда с семьёй.

И переданные Ирмой через Войткевича инструкции для агентов указывали окончательные сигналы и схемы оповещения, и конкретные диверсионные, оперативные или, наоборот, охранные действия, которые следовало предпринять.

Войткевич всё это переправил по назначению – потому что знал: инструкции дублируются и, задержи он их – пришлось бы отвечать перед СД ещё до «часа Ч». Вот только внёс в них небольшие дополнения, касающиеся первых действий по сигналам. Проверить аутентичность сообщений за оставшуюся неделю немцы уже не успевали – если Яков правильно вычислил «время Ч».

И вот девятнадцатого, возвращаясь поздно вечером с работы, Войткевич увидел на условленном месте, на столбике перед поворотом к своему дому, руну «ман» – извещение о том, что шифровка уже в тайнике.

Окно на лестничной площадке между первым и вторым этажом не отворялось, похоже, со времён пребывания города под Польшей. Копоть и нетронутая паутина. Но если правильно нажать на два гвоздя замусоренного подоконника, то приоткрывался маленький тайничок. В нём – папиросная гильза, а в гильзе – полупрозрачная бумажка.

Время «Ч»: 13.00 21 июня. К этому времени, знал Войткевич, надо прибавить двенадцать с половиной часов и действовать согласно инструкции.

20–22 июня. Ровно-Киев

Ирма, ещё полуодетая, не стала пенять ни за ранний час, ни за нарушение конспирации, когда Войткевич зашёл к ней домой. Только и сказала:

– Ах, Якоб, ты заехал не вовремя – мне надо сейчас отправляться в Костополь, нам не по пути.

– Удивляешь, партайгеноссе, – усмехнулся Войткевич. И продолжил на немецком, зная, что это всегда нравилось Ирме: – Тут такое начинается, а ты в глухомань забираешься.

– Потому и забираюсь, что начинается, – так же по-немецки ответила белокурая бестия. – Небесных гостей надо встретить.

– А на часок позже – никак? – невинно поинтересовался Войткевич и погладил рыжеватые усы.

– А ты успеешь? – спросила Ирма, приближаясь и раздувая ноздри. – У тебя ещё Здолбунов, Мизоч, Дубно...

– А ты мои секретные инструкции читаешь? – поинтересовался мимоходом Яков, увлекая белокурую бестию к кровати.

– Но мы же об этом никому не скажем, – согласилась Ирма, освобождаясь от блузки. – Есть вещи, о которых знают только двое...

Войткевич быстрыми, словно натренированными, движениями перехватил её кисти ремнём и примотал к спинке массивной кровати.

– Якоб, ты что, когда нам играть? – только и спросила Ирма; а в следующий момент, когда Яков сорвал шнур балдахина и резко затянул петлю на ногах белокурой бестии, поняла и зашипела: – Шайссе, да тебя наши на куски порвут!

– Есть вещи, о которых знают только двое, – очень серьёзно сказал Войткевич, проверяя надёжность пут. – До *ваших* далеко, а до Бога – близко. Так где небесных гостей встречаем?

– Зачем это тебе? – вдруг очень спокойно, чуть ли не равнодушно спросила Ирма и перестала дёргаться. – Ты же понимаешь, что всё уже решено.

– И что? – спросил Яков Осипович, невольно поддаваясь этому спокойствию. Даже нож, с помощью которого предполагалось *разговорить* белокурую бестию, чуть задержался в ножнах. – Лапки вверх и «Хайль Гитлер», и может, ещё помилуют?

– Тебя так точно помилуют, – всё так же спокойно и даже как будто лениво проговорила Ирма и чуть пошевелилась, похоже, что устраиваясь поудобнее. – А об этой выходке я никому не расскажу.

– Обрадовала, – хмыкнул Войткевич и обнажил финку. – Ваших милостей ждать не собираюсь. А если уверена, что всё так уж решено, – так скажи, что знаешь, не заставляй кожу портить. Я ведь не садист, меня это не заводит...

И вдруг перехватил Яков Осипович острый взгляд шпионки, направленный за его спину, на дверь во вторую комнату, и понял в неуловимое мгновение, что в него целятся.

Мышцы сработали быстрее, чем сознание. Одним слитным движением Войткевич наклонился влево и, не глядя, метнул финку в сторону двери.

Два звука почти слились воедино: негромкий выстрел и удар пули в плоть. А затем ещё несколько секунд раздавалось хрипение и судорожная возня у двери. Тишайшая Мари Шемански левой рукой дёргала рукоятку финки, до упора вошедшей в грудь, правой – силилась поднять «вальтер», и оседала, оседала на пол.

И опустилась. Руки обвисли, взгляд остекленел, и только маленькие ножки в лакированных туфельках ещё подёргивались и скребли по паркету.

Яков приложил ладонь к правому боку. Касательное ранение, всего-то царапина на коже.

– Так что? – спросил он, поворачиваясь к Ирме.

Но та при всём желании не могла ничего сказать. Не бог весть какая убойная сила у маленького «вальтера», но выпущенная с трёх метров пуля, предназначенная Войткевичу, попала белокурой бестии очень точно. Между ребёр и в самое сердце.

... Через пятнадцать минут Войткевич, с лёгкой наклейкой-пластырем под свежей рубашкой, вышел из квартиры, тщательно запер дверь и прошёл к «эмке», оставленной за квартал от дома.

Дальше он действовал как автомат. Здолбунов-Мизоч-Дубно-Клевань. Везде он, согласно инструкции – им самим усовершенствованной инструкции на «час Ч», – встречал руководителей групп и их заместителей, и выводил к тайникам. И там – это уже не по немецкой инструкции, а по совести – расстреливал. Восемь патронов – восемь трупов. Четыре обезглавленные агентурные ячейки не работают. Немного, но не так-то мало, если приплюсовать мёртвую

парочку, изображающую в запертой комнате любовную трагедию (труп Ирмы Яков развязал и уложил так, чтобы сложилось впечатление, будто она метнула финку – и напоролась на пулю или же, наоборот, метнула, умирая). Большого сделать было нельзя. На помощь этой смены *специальных товарищей* рассчитывать не приходилось.

Затем возвратился в Ровно.

Заехал домой, приказал жене быстро собраться, взять только документы и самое-самое необходимое. Затем – на комбинат. Открыл своим ключом кабинет, выгреб из сейфа документы, печати и деньги – немалые деньги, предназначенные на закупки – и выписал себе и Йосе командировки в Киев. Всё запер; перед уходом, во дворе, потрепал по загривку Гавлица. Псина заскулил – почувствовал...

Заехал к Остатнигрошу, приказал быстро собраться, взять документы и – ни слова никому. Йося побледнел и кивнул – почувствовал...

Уже смеркалось, когда заехали домой и забрали Софочку с малышкой. Надо было выехать из города – и они выехали, и заночевали в лесу на полдороги до Острога.

В Киев отправились утром, но довольно поздно. «Эмка» застряла, а Йося с его протезом даже на акселератор толком не мог нажать. Пришлось напрячься, в одиночку вытаскивая передок из колдобины. Ехали, с многочисленными остановками, почти весь день, хотя и всей-то дороги – четыре сотни вёрст. Даже заправляться не пришлось.

Но республиканский наркомат пищевой промышленности – как почти все наркоматы, приученные к сталинскому распорядку дня – ещё работал.

Войткевич здесь уже бывал не раз и не два, барышни-секретарши моментально расплылись в улыбках – и некоторые оргвопросы решались прямо в приемных; и там же удалось с давней уркаганской ловкостью скопировать с беззаботно оставленных бумаг нужные подписи. Чуть сложнее было в бухгалтерии и Первом отделе, куда Яков Осипович сдал, соответственно, всю до копеечки комбинатскую кассу и печати. Но выручала самоуверенная морда и бюрократическая система – закорючки на обходном листе были не аутентичные, но достаточно похожие. И вообще, сдавать – не получать, а какие там высшие соображения – пусть думают те, кто расписался сверху.

В 21.45 отправлялся поезд на Свердловск. Наглости проскочить в кабинет начальника вокзала, обаяния, двух батонов сырокопчёной колбасы и сувенирного флакона «Полесской», плюс, конечно, полная стоимость билетов, хватило на два места, купе в литерном вагоне.

Прощание с перепуганной и заплаканной Софочкой и спящей дочкой заняло не больше пяти минут – поезд уже отходил. С бледным и всё понимающим безногим Йосей, которому Войткевич доверил семью на всё грядущее лихолетье, уже ничего не обговаривали напоследок – не было необходимости. Переговорили в дороге.

«Эмка» так и стояла перед вокзалом.

Яков Осипович, осторожно вырывая и притормаживая у трамвайных путей, проехал полпути к военкомату, остановился у тёмного скверика и переоделся.

Ещё битый час просидел в машине, обдумывая и сосредотачиваясь. Затем подкатил поближе к бессонному военкомату, вышел, одёрнул гимнастерку, надел фуражку и уверенным шагом направился внутрь.

– Лейтенант Войткевич для получения назначения прибыл!

Глава 8

Всё та же ночь июня 1942 г.

Гурзуф, лавка Мариш Казанцевой

Скривив насмешливую гримасу, лейтенант Войткевич выдернул из-под застигнутого врасплох Кольки Царя табурет и уселся напротив Саши:

– Ну... как лейтенант с лейтенантом пить я с тобой не буду... – выложил он на стол командирский куций наган. – Потому как я строевой командир, а ты легавый. Тем не менее, прежде чем решить, что с вами делать, спешу представиться – Яков, для своих – Яша, но насколько вы свои – нам ещё предстоит выяснить. Так что для вас – Яков. Можно просто, Яков Осипович...

– Ну, и какое отношение вы имеете к партизанам? – спросил Новик, иронически поковырявшись на матросов, объявившихся, как черт из табакерки: кто из-под столовой скатерти с бахромой, кто из-под кровати в соседней комнате, а один так даже скрипнул дверцей платяного шкафа в полутёмной прихожей...

Ответа не последовало.

– Каким боком вы к партизанам? – переспросил Новик и выложил со своей стороны на стол табельный ТТ. – А?.. Яков Осипович?

– Самым непосредственным... – не сразу и как-то лениво отозвался «строевой».

«Даже не обернулся на своих, – неохотно отметил Саша слаженное, будто отрепетированное, “явление пятёрки чёрных бушлатов”. – Шустрые какие, сто процентов разведчики»...

– На данный момент команду разведгруппой... – подтвердил его догадку «строевой», – ...1-го отряда 1-го партизанского сектора...

– Майора Калугина, – закончил за него Саша.

– Допустим... – вальяжно откинулся на стуле Яков Осипович и заложил руки в карманы галифе. – Только ваша осведомлённость... коллега... – процедил он почти брезгливо. – Никак не развеет моих сомнений...

Лейтенант Войткевич принялся раскачиваться на жалобно скрипящих задних ножках стула, словно размышляя вслух в плетёном кресле-качалке где-нибудь на дачном припёке – лениво и не спеша:

– Можно ли вам доверять? Хотя бы в той степени, в которой вообще можно доверять важнейшим «органам» Родины-матери. Уж слишком, знаете ли... – поморщился Яков Осипович. – Слишком от них подванивает...

– Так тебе, может, нюхало починить? – громыхнул табуретом, грозно поднимаясь, Колька Царь, но не успел до конца распрямиться, как его тут же усадили с двух сторон тяжёлые ладони на плечах. – Чтобы не мешал дерьмо с ромашками... – сердито сбросил он с плеч руки морпехов, но, остановленный взглядом Новика, нарываться больше не стал. Только уставился в профиль «строевого» пристально и крайне недружелюбно.

Тот и ухом не повёл, продолжал, игнорируя жгучий взгляд преданного адъютанта старшего лейтенанта:

– ...Слишком уж вы, чекисты, любите пользоваться людей вслепую. У вас что ни слово – «легенда», что ни шаг – обманные манёвры. Вы ж что с чужими, что со своими, – всё втёмную. А я этого не люблю...

– Не любит он... – развёл Саша руками и, насмешливо щурясь, перегнулся через стол к «строевому». – А я, по-твоему, что должен? Каждому оборзевшему фраеру все карты скидывать?

– Где наблатыкался? – в свою очередь, подался навстречу ему «строевой» лейтенант со злобно суженными зрачками. – Когда на допросах немецких шпионов лепил из окруженцев?! – хлопнул он ладонью по вышитой скатерти.

– Хватит... – раздался вдруг высокий девичий голос, негромкий, но решительный. – Вы ещё померяйтесь, кто дальше пишет...

Саша так и замер, упершись локтями в стол. Голос был пронзительно, до сердечной дрожи, знаком. Но...

– Надя?! – с учительской укоризной произнесла «графиня», водружая на подставку, закопченный медный чайник. – Un mauvais ton, Nadin, où cela convient⁵? Принеси хлеб и масло.

«Надя, Надин...» – развеялось мгновенное наваждение в помутневшем взгляде Саши Новика. – «Не она...», но сердце, подскочив от внезапной радости, всё ещё частило, когда он наконец обернулся...

Тонкая фигурка в длинной плиссированной юбке и белой приталенной блузке уже растаяла в голубоватой полутьме кухни. Саша успел только заметить антрацитовый отлив волос, коротко стриженных, но упрямо взлохмаченных. В груди защемило, даже дышать стало трудно.

«Как у неё... – усмехнулся несбыточной своей фантазии Новик. – Если, конечно, постричь под эппманшу 20-х годов»...

– Моя дочь, – проследив его взгляд, не то чтобы строго, но скорее с тревогой, пояснила «баб Маша». – Надежда Казанцева.

– Ага... – рассеянно кивнул Саша, с трудом оторвав взгляд от дверного проёма, где исчезла девушка.

– Эй?... – пощёлкал пальцами лейтенант Войткевич, окликая Новика, словно спящего. – Сверни баян. Разыгрался. Значит, так. Кто ты такой, я не знаю...

– Зато я знаю! – снова раздался тот же высокий голос, что одёрнул препиравшихся офицеров минуту назад. Девушка за спиной Новика снова объявилась на пороге кухни, с прижатыми к груди «кирпичом» ржаного хлеба и начатой пачкой немецкого «Schnitten Öl», бутербродного масла. – Он тот, кем назвался. Лейтенант НКВД Новик Александр Васильевич. Почти как Суворов. Однако сволочь вы, ваше благородие, не узнали...

Сердце снова ударило в Сашины рёбра.

– Настя?! – едва не опрокинув стул, развернулся он.

Счастливый немой смех и задушенные слёзы дрожали в тёмно-карих глазах девушки.

– Настька... – всё ещё не веря себе, Саша рванулся к ней, к Анастасии Пельшман, поймал смугловатое, круглое личико в ладони. – Ты как? Откуда здесь?

⁵ Дурной тон, Надя, куда это годится? – (фр.)

Глава 9

Городок наш ничего, население таково...

Октябрь 1941 г. Симферополь

Отец, начальник кадрового отдела Главупра НКВД Крымской АССР Аркадий Пельшман, заскочил домой, в ведомственную квартиру на углу Набережной и проспекта Кирова, буквально на минуту.

– Немцы прорвали Перекоп, уже в Евпатории... – сообщил он нервной скороговоркой, заталкивая в громоздкий фанерный чемодан запас тёплых подштанников. – Наркомат эвакуируется в Севастополь, приказ Каранадзе...

– А мы? – обессиленно, словно вдруг отнялись ноги, опустилась на софу подле чемодана жена Ирина. – Что будет с нами, Аркадий?

Пельшман, зло швырнув подштанники в дерматиновую утробу чемодана, сел на подлокотник с другой стороны.

– Семьи старших офицеров, конечно, тоже эвакуируются... – пробормотал он невнятно и, словно борясь с затрудненным дыханием, рванул на горле крючок воротника с золотистыми ромбами старшего майора ГБ на малиновых петлицах. – Но... Ира, понимаешь... На Севастополь идёт 11-я армия Манштейна и 3-я румынская, а в городе – только морская пехота флота и разрознённые части, отступающие с Ишуньских позиций. Не более двадцати тысяч штыков. Ты понимаешь, что это значит?

Ирина попыталась поймать бегущий взгляд мужа, скользивший по часам на стене, по обязательному портрету Вождя, по яблокам, увеличенным линзой полного графина, по фотографиям над диваном: маленькая Настя на галечном пляже Ялты; Настя, обняв портфель в половину её роста; Настя с огромными школярскими бантиками; Настя с трехлинейкой «Осоавиахима», уже в институте...

– Что это значит, Аркадий?

Майор НКВД будто очнулся.

– Севастополь они возьмут сходу. А там база флота. Эвакуировать в первую очередь будут командный состав флота... – майор принялся вновь суетно застёгивать непослушный крючок на воротнике.

– И что? – повторила Ирина, холодея от безнадёжности, сквозящей в словах мужа.

– До нас просто никому не будет дела, мама... – ответила за отца Настя, которая, как оказалось, всё это время стояла, привалившись к косяку дверей гостиной с другой стороны, со стороны своей комнаты.

Она вынырнула из-за тяжелой портьеры и замерла, скрестив руки под по-девичьи высокой грудью.

– Но и здесь вам оставаться нельзя... – Аркадий Павлович, казалось, даже перевёл дух, «освобождённый» словами дочери от необходимости вынести окончательный приговор: «счастливой тыловой службы, вдали от фронтовых тягот и бедствий, от бестолковщины постоянного бегства – не будет. Страшный сон, кошмар, продолжается». – Здесь каждая собака знает, кто ваш муж и отец, а немцы... – майор невольно прочистил горло. – Они не церемонятся с родственниками даже рядовых коммунистов, а уж чекистов... Так что...

– Так что мы едем с тобой... – твёрдо произнесла Настя, сведя густые брови, и без того едва не сросшиеся на переносице. – Если до нас никому не будет дела, то дело найдётся для нас...

Мать подняла на неё недоумённый взгляд. То ли не расслышала, что сказала дочь, оглушённая страшными новостями, то ли не поняла, в голове всё помутнело от страха:

– Какое дело?

– Мама может, как в Гражданскую, служить в госпитале. А я запишусь в истребительный батальон, если только в армию не возьмут, – выдерживая непреклонный тон, заявила Настя. – Там ведь обязательно сформируют какое-нибудь ополчение...

Пельшман сморщился, словно от зубной боли.

– А я, между прочим, «Ворошиловский стрелок», я лучше всех в институте... – опережая его возражения, почти капризно повысила голос девушка.

– Так! – хлопнул себя по коленям Аркадий Павлович, довольно неумело изображая решимость.

Которой, правду сказать, ему никогда не хватало в семейном «домострое» – «девки» его крутили грозным кадровиком, как хотели.

Он хлопнул себя по коленям, как, случалось, у себя в кабинете, когда ударом печати решал чью-нибудь судьбу, и подскочил с софы:

– Никаких героических ополчений с одной винтовкой на троих! Никаких истребительных батальонов на день боёв! – почти взвизгнул Аркадий Павлович, так что Ирина даже отпрянула в угол софы. – Это никому не нужно! Сгорите как спичка! Вас не заметят ни немцы, ни даже... наши... – Он подошёл к окну, отдернул прожжённую солнцем тюлевую занавеску и продолжил гораздо мягче, привычно сдав на попятную: – Девочки, вам лучше перебраться в Гурзуф, к твоей сестре, Ира, и затаиться, дожидаться нашего контрнаступления... А оно будет скоро, очень скоро, непременно будет... – сомнамбулически бормотал майор Пельшман, неловко и непривычно закуривая у форточки.

Вообще-то, Аркадий Павлович курил в последний раз на задворках реального училища.

Но затаиться не получилось. Нет, Ирина Пельшман, в девичестве Фуллер, не ослушалась мужа, не настояла, по обыкновению, на своём – всё-таки деваться и впрямь было некуда. И своенравная Настя не решилась бросить мать одну в бедламе, мало похожем на эвакуацию, скорее на бегство. Симферополь оставляли без боя, но...

– Ничего, до драки дело дойдёт, ещё дойдёт... – цедила Настя сквозь зубы, помогая дворнику ведомственного дома грузить домашним скарбом телегу, где-то раздобытую верным Петровичем даже не за бешеные деньги.

«Как быстро, сволочи, разуверились в советских рублях!» – брезгливо сжала губы Настя, глядя, как дрожащими пальцами мать перебирает содержимое ящиков в туалетном столике, – серёжки с бриллиантами, золотой гарнитур, жемчуг. Сама-то Настя ко всем этим мещанским побрякушкам относилась...

Никак не относилась. Было что-то нафталиновое и смешное в «ярмарке тщеславия», которую устраивали между собой жены комсостава республиканского НКВД на каждом балу, то есть «торжественном заседании в честь...» И вот надо же... Архаическая, мёртвая мудрость вдруг ощерилась живой улыбкой какого-то знакомого из «Коммунхоза»: «Золото, оно при всяком Марксе, знаете ли, капитал!»

Телегу наняли за верную валюту всех катастроф и революций, за золото. Как будто и не советские люди, обязанные помогать друг другу в военное лихолетье, сплотившись плечом к плечу. Впрочем, чему удивляться? Неспроста же столько врагов, даже среди *своих*, выкорчёвывали сослуживцы отца...

«Но ничего!.. Она ещё докажет... И этой “противной спекулянтской роже” тоже докажет, что не зря выбивала 49 из 50 в чёрной рогатой мишени на городских соревнованиях “ГОСО”. Придёт час разобраться кто с кем, рассчитаться за всё. Ведь контрнаступление наших войск будет, обязательно будет, и очень скоро. Неотвратимое, беспощадное, победное. Отец знает, что говорит».

Но пока... Пока они вынуждены были бежать. Но сделать это до прихода немцев было нелепо. Сначала по Ялтинской и Севастопольской дорогам отступали наши стрелковые

и кавалеристские части. И, как бы Настю ни покорила прозорливость матери: «Там у них столько раненых, что телегу мигом реквизируют...», – спорить она не стала, без толку. Потом, сразу же вслед за отступающими нашими войсками, покатили тупорылые грузовики с немцами, загрохотали танки и броневики. Румынские горные стрелки бесконечными обозами двинулись наперерез нашим, на Ангарский перевал...

И только в первых числах ноября, в промозглую, с моросью, ночь заскрипела, стронулась и их рассевшаяся от внушительного багажа телега. Всё тот же участливый, но не совсем бескорыстно дворник Петрович, повел флегматичного савраску под уздцы. Бородатый друг дворовых ребятишек, позволявший ещё малолетней Настёне под держаться за поливочный шланг, в советские рубли не верил. Только в золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.